

Часть I АРАБСКАЯ ВЕСНА И ЕЕ ГЛОБАЛЬНОЕ ЭХО

АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК ТРИГГЕР ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А. В. Коротаев, К. В. Мещерина, Л. М. Исаев,
А. С. Искосков, У. Д. Херн, Е. Д. Куликова

Показано, что Арабская весна выступила в качестве триггера глобальной волны социально-политической дестабилизации, значительно превысившей масштабы самой Арабской весны и затронувшей абсолютно все мир-системные зоны. После начала Арабской весны взрывообразный глобальный рост наблюдался для подавляющего большинства показателей социально-политической дестабилизации – антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков, политических забастовок, террористических актов/«партизанских действий» и политических репрессий. Наблюдался он и для глобального интегрального индекса социально-политической дестабилизации. Статистически значимого роста для политических убийств и политических кризисов не наблюдалось. С другой стороны, для такого важного показателя глобальной социально-политической дестабилизации, как глобальное число переворотов и попыток переворотов, отмечалось статистически значимое снижение. В 2011 г. в мире особенно сильно выросло количество крупных антиправительственных демонстраций (в 11,5 раз, то есть более чем на порядок). При этом наблюдался заметно менее интенсивный (примерно в 6 раз) рост массовых беспорядков, число же крупных терактов в этом году выросло только в 2 раза. Число крупных антиправительственных демонстраций в 2011–2013 гг. несколько снизилось, в то время как глобальная интенсивность массовых беспорядков продолжила расти, вплотную приблизившись к интенсивности антиправительственных демон-

страций. Глобальное число крупных террористических актов в 2011–2014 гг. росло по экспоненте, превысив в 2014 г. число и тех и других. В целом можно сказать, что нарастание массовых беспорядков шло с некоторым лагом относительно роста числа антиправительственных демонстраций, а увеличение количества террористических актов несколько запаздывало относительно и первых, и вторых. Арабская весна сыграла роль именно триггера начавшейся в 2011 г. волны глобальной социально-политической дестабилизации. Только в 2011 г. рост глобального числа крупномасштабных антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок в высокой степени (хотя и далеко не полностью) объясняется их ростом в Арабском мире. В наблюдавшийся же в последующие годы очень заметный дальнейший рост глобального числа крупномасштабных антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок арабские страны внесли скорее отрицательный вклад (рост глобальной интенсивности всех этих трех важнейших типов социально-политической дестабилизации продолжился, несмотря на ее спад в Арабском мире). Таким образом, по всем этим трем важнейшим показателям социально-политической дестабилизации масштабы глобального эха Арабской весны многократно перекрыли ее собственные масштабы. Запущенная Арабской весной глобальная волна социально-политической дестабилизации привела в 2011–2015 гг. к весьма значительному росту социально-политической нестабильности абсолютно во всех мир-системных зонах. Однако проявилась эта глобальная дестабилизационная волна в разных мир-системных зонах по-разному и не вполне синхронно. В 2011 г. особенно мощный рост числа демонстраций, беспорядков и забастовок наблюдался в Арабском мире и странах Запада (хотя многократный рост числа демонстраций наблюдался также в Африке южнее Сахары, на Среднем Востоке и в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза, а многократный рост числа массовых беспорядков – в Африке южнее Сахары, в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза и государствах Азии, но он был не таким мощным, как в Арабском мире и странах Запада). После 2011 г. число демонстраций, беспорядков и забастовок в арабских странах значительно уменьшилось, одна-

ко на этом фоне в Арабском мире (и смежных с ним областях Тропической Африки и Среднего Востока) в 2012–2014 гг. наблюдался взрывообразный рост числа крупных терактов/«партизанских действий» (метастазы которого стали постепенно проникать и в некоторые другие мир-системные зоны). При этом в 2012–2015 гг. на фоне очень заметного уменьшения числа демонстраций, беспорядков и забастовок в Арабском мире наблюдался значительный рост их числа в странах Запада, в Латинской Америке (практически не затронутой глобальной дестабилизационной волной 2011 г.), в Африке южнее Сахары, в странах Азии, на Среднем Востоке, а также в государствах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Это рост с лихвой компенсировал снижение количества демонстраций, беспорядков и забастовок в Арабском мире; в 2014–2015 гг. глобальное число демонстраций, беспорядков и забастовок значительно превзошло рекордные до того времени уровни 2011 г. Главный вклад в выход Мир-Системы на эти рекордные уровни в 2014–2015 гг. внесли страны Запада, Азии и Латинской Америки; однако общее количество крупных антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков, зафиксированное в эти годы во всех мир-системных зонах без исключения, значительно превышало уровни, наблюдавшиеся там в годы, предшествовавшие началу Арабской весны.

Арабская весна и ее глобальное эхо: хроника событий

Все мы не могли не заметить, что в 2011 г. в мире вообще (а в Арабском мире в особенности) происходило что-то необычное. В 2011 г. всю планету охватила необычайно мощная протестная волна. Основная часть протестов 2011 г. пришлась на Ближний Восток, в особенности на арабские страны. Несмотря на то что в Алжире протесты начались раньше, чем в Тунисе, описание Арабской весны принято начинать с 17 декабря 2010 г., когда молодой безработный Мохаммед Буазизи совершил самоубийство в провинциальном тунисском городке Сиди-Бузиде. Это событие запустило в Тунисе нарастающую волну протестов, закончившуюся неожиданно быстрым крушением режима Бен Али в результате обнаружившегося внутриэлитного конфликта между непривилегирован-

ной армией и привилегированными силами безопасности, которые находились под особой опекой президента (см., например: Nerstad 2011). В результате армия встала на сторону протестующих, что привело к быстрому падению авторитарного режима в Тунисе. Это удивительно быстрое (и довольно бескровное) падение авторитарного режима Бен Али подтолкнуло светских лидеров молодежных движений в Египте и некоторых других арабских государствах попытаться организовать (при помощи широкого использования социальных сетей) масштабные акции протеста в своих странах. В результате значительного внутреннего напряжения в Египте (см.: Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Korotayev, Zinkina 2011; Korotayev, Issaev, Shishkina 2016) эта попытка спровоцировала лавину, которая привела к падению режима Х. Мубарака. Все это подняло волну дестабилизации во всем Арабском мире (признаки которой, однако, были заметны уже непосредственно после быстрой победы тунисской революции). Масштаб дестабилизации в конкретных странах зависел прежде всего от того, насколько там присутствовали соответствующие для нее условия, такие как внутренний конфликт среди элиты, режим непоследовательно авторитарного типа, наличие непривилегированных категорий населения (за исключением трудовых мигрантов), высокая безработица среди молодежи (особенно молодых с высшим образованием) и т. д. (см., например: Васильев 2011; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2012; Коротаев, Ходунов 2012; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Austin Holmes 2012; Goldstone 2011; 2014b; Beck 2014; Lang, Sterck 2014; Korotayev *et al.* 2011; 2013; Korotayev, Issaev, Shishkina 2014; Grinin, Korotayev 2011; 2012; Howard, Hussain 2013; Moore 2012; Weyland 2012; Wilson 2013; Beissinger *et al.* 2015). В некоторых случаях (особенно в Ливии и Сирии) важную роль сыграли внешние дестабилизирующие воздействия.

Тем не менее весь остальной мир также испытал под влиянием Арабской весны крайне нетривиальный всплеск социально-политической дестабилизации; здесь можно, например, вспомнить многочисленные движения “Оссуру...”, от «Оккупай Уолл-стрит» до «Оккупай Абай». Для того чтобы лучше представить всю глобальность протестного движения “Оссуру...” в 2011–2012 гг., мож-

но вспомнить, что протестные акции этого типа наблюдались в США (Нью-Йорк, Детройт, Гарвардский университет и т. д.), Великобритании (Лондон, Эдинбург, Глазго и т. д.), Германии (Берлин и некоторые другие крупные города), Норвегии (Осло), в многочисленных городах Канады, в Малайзии (Куала-Лумпур), Австралии (Мельбурн и Сидней), Новой Зеландии (Окленд и другие города), Непале (Катманду), на Кипре, в Гане (Аккра), Нигерии (Кано, Лагос, Абуджа), Исландии (Рейкьявик), Южной Африке (Йоханнесбург и Кейптаун), Японии, России и т. д. Также следует упомянуть и глобальные протесты 15 октября 2011 г., в которых приняли участие представители десятков стран мира. В дополнение к вышеупомянутым протестам “Оссуру...” можно вспомнить крупные протесты 2011 г. в Испании, Португалии, Греции, Италии, Ирландии, Албании, Македонии, Болгарии, Грузии, Армении, Азербайджане, Белоруссии, Мексике, Боливии, Чили, Буркина-Фасо, Малави, Китае, Индии, на Мальдивских островах, в Шри-Ланке, Иране и т. д. (см.: Breaу 2014; Charnock *et al.* 2012; Danjibo 2013; Erde 2014; Erdogan 2013; Fadaee, Schindler 2014; Greene, Kuswa 2012; Gunter 2013; Hoesterey 2013; Iranzo, Farné 2013; Jensen, Bang 2013; Kerton 2012; Mushtaq 2014; Pickerill, Krinsky 2012).

Волна протестов продолжилась и в 2012 г. Уже в феврале в ходе затянувшегося политического кризиса ушел в отставку президент Мальдив Мухаммад Нашид. В это же время берет свое начало сопротивление в Сирийском Курдистане, связанное с формированием Курдского верховного совета, ставшего де-факто правительством этого региона. В 2012 г. уходят своими корнями и антиправительственные демонстрации в Румынии, продолжавшиеся вплоть до 2015 г. Также серьезные дестабилизационные процессы затронули некоторые страны Африки, такие как ЦАР, Демократическая Республика Конго и Мали, где в январе 2012 г. вспыхнуло туарегское восстание, ставшее прямым следствием ливийского кризиса, в ходе которого повстанцами была взята под контроль вся северная часть страны (см.: Besenyo 2013; Kumar 2016; Sattar 2012; Weyns *et al.* 2014). 2013–2014 гг. характеризовались очередной волной антиправительственных выступлений (см.: Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015; Goldstone 2014a). Среди них прежде всего следует выделить мощную волну антиправитель-

ственных выступлений в Египте (закончившуюся там военным переворотом, стоившим президентского кресла законно избранному Мухаммеду Мурси), протесты вокруг парка Таксим-Гези в Стамбуле, Анкаре, протесты в Тунисе против правительства, контролируемого умеренным исламистским движением «ан-Нахда», Евромайдан на Украине против президента Виктора Януковича и Партии регионов, испытавший в высокой степени влияние со стороны антиправительственных демонстраций в арабских странах в 2011 г. (см.: Исаев, Шишкина 2014; Lifintseva, Issaev, Shishkina 2015) и послуживший триггером гражданского конфликта на Донбассе. Еще одним государством на постсоветском пространстве, охваченным протестами, оказалась Абхазия. Менее чем за неделю протестующим в Сухуми удалось добиться роспуска Кабинета министров и отставки президента Александра Анкваба. Протестами также были охвачены столицы Венесуэлы, Боснии и Герцеговины, а также Таиланда (см.: Krastev 2014; Nguyen *et al.* 2014; Sagarzazu 2014; Sejfiĵa, Fink-Hafner 2016). Еще одним ярким отголоском Арабской весны принято считать и так называемую «революцию зонтиков» в Гонконге в конце 2014 – начале 2015 г., направленную против избирательной реформы, инициированной китайским правительством. Нестабильность нарастала и в Африке южнее Сахары (см., например: Dzinesa, Motsamai 2013; Ortman 2015). При этом события Арабской весны, приведшие к росту политической нестабильности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, спровоцировали обострение уже существовавших ранее конфликтов. Примером этого может служить политический кризис в одном из самых молодых государств мира – Южном Судане – в 2013 г., что впоследствии вылилось в полноценную гражданскую войну между двумя этническими группами: нуэрами и динка (см., например: Koos, Gutschke 2014).

Заметно обострилась ситуация и в некоторых странах, пострадавших от событий Арабской весны. Так, в 2014 г. в Ливии вновь разразился гражданский конфликт, который в конечном счете привел к срыву процесса национального примирения и установлению фактического троевластия (см.: Исаев 2016б; Мещерина 2016; Турьинская 2015). Очередной политический кризис в 2014 г. случился в Йемене, где вновь актуализировались традиционные для страны

проблемы севера и юга (Серебров 2015; Исаев 2016a), а также произошла Хуситская революция сентября 2014 г. по модели «наступления с периферии» (Исаев, Коротаев 2015). В ее результате в сентябре 2014 г. власть в Санае захватило движение «Ансар Аллах», что привело в 2015 г. к бегству из страны президента Мансура Хади в Эр-Рияд и началу военной интервенции со стороны коалиции под руководством Саудовской Аравии.

Самое «нежеланное дитя Арабской весны» (Гринин, Исаев, Коротаев 2015: 128–158) – появление на территории Сирии и Ирака «Исламского государства» (ИГ), формирование которого явилось результатом целого ряда социально-экономических и этноконфессиональных проблем, стоявших на повестке дня вышеуказанных стран Ближнего Востока на фоне резкого ослабления сирийской государственности (см.: Исаев 2015; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Вайс, Хасан 2016). Однако деятельность ИГ далеко не ограничилась территориями Сирии и Ирака – на верность ей присягнули террористические группировки как в Арабском мире (Ливия, Йемен, Тунис, Алжир, Иордания), так и за его пределами (Нигерия, Мали, Россия, Афганистан, Пакистан, Филиппины) (см., например: Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Мещерина 2016; Рогожина 2016; Jalalzai 2015; Lefevre 2014; Weiss, Hassan 2016; Wolf 2013).

Продолжились протесты и в 2015 г. Среди наиболее масштабных стоит выделить более чем миллионные выступления в Бразилии, проходившие на протяжении 2015 и 2016 гг. и закончившиеся отставкой президента Дилмы Русеф, которую протестующие обвиняли в коррупции. В конечном счете 31 августа 2016 г. бразильский Сенат объявил импичмент действующему президенту. Еще один долгосрочный конфликт привел к мощной социально-политической дестабилизации в апреле 2015 г. в Бурунди, после того как действующий президент Пьер Нкурунзиза объявил о намерении в третий раз подряд выдвинуть свою кандидатуру на грядущих президентских выборах. Это, в свою очередь, спровоцировало антиправительственные демонстрации, которые не закончились даже после того, как действующий президент был в третий раз переизбран на высший государственный пост. Летом 2015 г. обострился и конфликт на юго-востоке Турции между турецкой армией и Рабо-

чей партией Курдистана. Конфликт продолжается до сих пор и привел де-факто к гражданскому противостоянию (Шлыков 2016а), а также к началу турецкой операции «Щит Евфрата» на территории соседней Сирии. Нестабильная ситуация в Турции, которая на протяжении последних лет испытывала на себе дестабилизирующее воздействие гражданского конфликта в Сирии, привела в июле 2016 г. к попытке военного переворота, который турецким властям вовремя удалось предотвратить (Шлыков 2016б). 2016 г. запомнился также обострением в еще двух нестабильных регионах мира: Кашмире (Индия) и дельте реки Нигер (Нигерия) (см.: Babatunde *et al.* 2016; Majid, Hussain 2016; Yasir 2017).

2015 и 2016 гг., в свою очередь, запомнились и активизацией террористических организаций, что проявилось в волне терактов по всему миру. К числу наиболее громких можно отнести теракты во Франции (Париж, Ницца, Бордо), Турции (Стамбул, Измир, Анкара, Диярбакыр), Йемене (Сана, Аден, Таизз), Ираке (Багдад, Шарабан, Абу-Грейб, Рамади, Мосул, Садр-Сити), Германии (Берлин, Мюнхен), Ливии (Злитен, Триполи, Бенгази, Рас-Лануф), Пакистане (Джалалабад, Лахор, Кветта, Пешавар), Египте (Каир, Шарм-эль-Шейх, Эль-Ариш), Индонезии (Джакарта), Сомали (Эль-Адда, Могадисо, Байдоа), Буркина-Фасо (Уагадугу), Сирии (Дейр эз-Зор, Хомс, Дамаск, Тартус, Алеппо, Дараа, Пальмира), Камеруне (Керава, Бодо), Нигерии (Гомби, Далори, Диква), Саудовской Аравии (ал-Ахса, Джидда, Медина), Чаде (Митерин, Гие), Израиле (Иерусалим), Бурунди (Бужумбура), Афганистане (Мазари-Шариф, Кабул, Кандагар, Балх), Мали (Тимбукту), России (Дербент, Махачкала, Ставрополь), Индии (Джамму и Кашмир, Сринагар), Филиппинах (Эсперанса, Аль-Барка), Перу (Хатун-Аша), Таиланде (Паттани, Чанае), Демократической Республике Конго (Нтомби, Вирунга), Бангладеш (Дакка), Армении (Ереван), Украине (Донецк, Луганск), Казахстане (Алматы), Уругвае (Пайсанду), Тунисе (Бен Гердан), Кот-д'Ивуаре (Гранд-Бассам), Анголе (Кабинда), Бельгии (Брюссель), Сомали (Галькайо), Великобритании (Лондон), Австралии (Минто, Хоум Хилл) и т. д. (см.: Avriel 2016; Beittel, Sullivan 2016; Cordesman 2016; Gunaratna 2016; Hegghammer 2016; D'Souza 2017; Dumitrascu 2016; IEP 2016; Zohar 2015).

Что касается массовых беспорядков, то их число также заметно увеличилось в масштабах всего мира. Можно вспомнить, что протестные акции подобного типа наблюдались в 2013–2016 гг. в Египте (Каир, Порт-Саид, Суэц), Бахрейне (Манама), Нигерии, Саудовской Аравии (Эль-Катиф), Мексике (Аподака), Перу (Пуэрто-Мальдонадо), Гондурасе (Сан-Педро-Сула), Пакистане (Гилгит-Балтистан), Индии (Дели), Венесуэле, Южной Африке (Кейптаун), Судане (Ньяла), Гвинее (Зогота), Аргентине (Буэнос-Айрес, Тукуман), Австралии (Сидней, Мельбурн), Нидерландах (Гронинген), Болгарии (Варна, София), Китае, Кении (Момбаса), Соединенных Штатах (Фергюсон, Тампа, Балтимор, Солт-Лейк-Сити, Вашингтон, Сан-Хосе, Портленд), Сингапуре, Швеции (Стокгольм), Бангладеш, Индонезии, Мьянме, Малайзии (Куала-Лумпур), Македонии, Чили, Афганистане и т. д. (см.: Aaronson 2016; Fukuyama 2013; Lee, Zhang 2013; Krastev 2014; Sagarzazu 2014; Schierup *et al.* 2014).

Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011 и последующих годов: количественный анализ

Однако, как нам представляется, оценить истинный масштаб необычности этих событий все-таки вряд ли возможно без привлечения количественных эмпирических данных¹. Лучше понять мировой масштаб событий Арабской весны и его глобального эха поможет, например, нижеследующий график (см. Рис. 1).

Динамика глобального числа крупных антиправительственных демонстраций и тот «фазовый переход», который этот показатель испытал в 2011–2012 гг., уже были предметом нашего анализа (Коротаев, Шишкина, Исаев 2016; Акаев *et al.* 2017).

¹ В качестве основы для наших количественных расчетов была использована база данных *Cross-National Time Series / CNTS* (Banks, Wilson 2016; Wilson 2017). Подробное описание этой базы данных см. в *Приложении 2* к данной статье мониторинга.

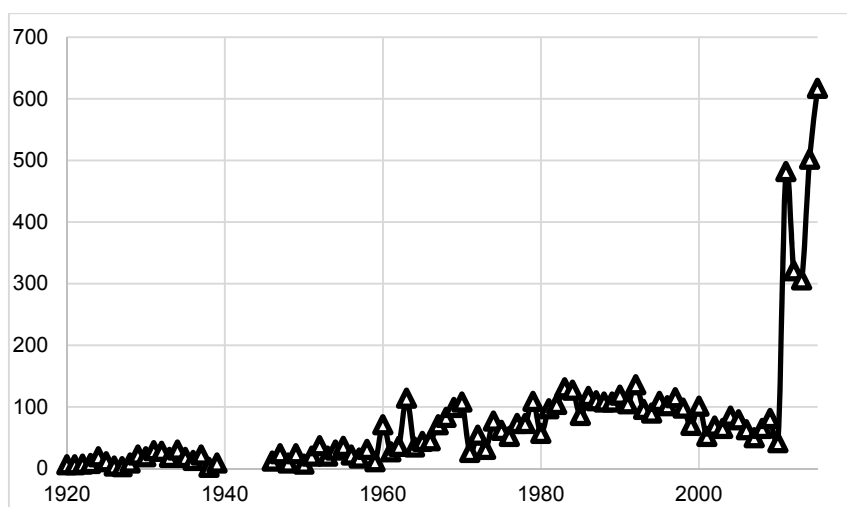

Рис. 1. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире базой данных CNTS, 1920–2015 гг.

Источник: CNTS 2016.

В наших предыдущих работах мы анализировали период 2011–2012 гг. С тех пор в нашем распоряжении появились данные за 2013–2015 гг., которые убедительно подтвердили выводы наших предыдущих работ. Действительно, формальный t -тест показывает, что число антиправительственных демонстраций в 2011–2015 гг. было безусловно статистически значимо более высоким, чем в предшествующий период 2001–2010 гг. (см. Рис. 2).

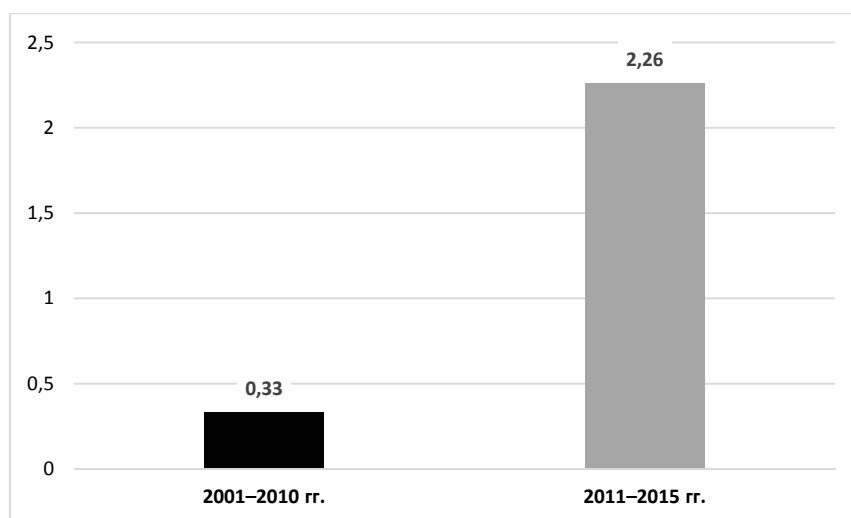

Рис. 2. Глобальная средняя интенсивность антиправительственных демонстраций до и после начала Арабской весны, *t*-тест

Примечание: $t = -11,539$, $p \ll 0,0001$.

На данной гистограмме отображена средняя интенсивность антиправительственных демонстраций за соответствующие периоды. Из гистограммы видно, что в период 2001–2010 гг. в среднем ежегодно наблюдалось 0,33 антиправительственных демонстраций на страну, а в период 2011–2015 гг. это значение выросло до 2,26. Наблюдаемый рост более чем в шесть с половиной раз позволяет говорить о существенном возрастании количества антиправительственных демонстраций в мире после начала Арабской весны. Проведенный *t*-тест для равенства средних свидетельствует о безусловной статистической значимости данных изменений. Особо следует отметить, что уже в 2011 г. число крупных антиправительственных демонстраций побило все исторические рекорды, многократно превысив предыдущие пиковые значения 1963, 1970, 1983 и 1992 гг. Однако уже в 2014 г. был побит и рекорд 2011 г., а в 2015 г. поставлен новый исторический рекорд...

Однако после 2010 г. произошел стремительный рост отнюдь не только одних антиправительственных демонстраций. Скажем, наблюдался не менее стремительный рост глобального числа массовых беспорядков (см. Рис. 3).

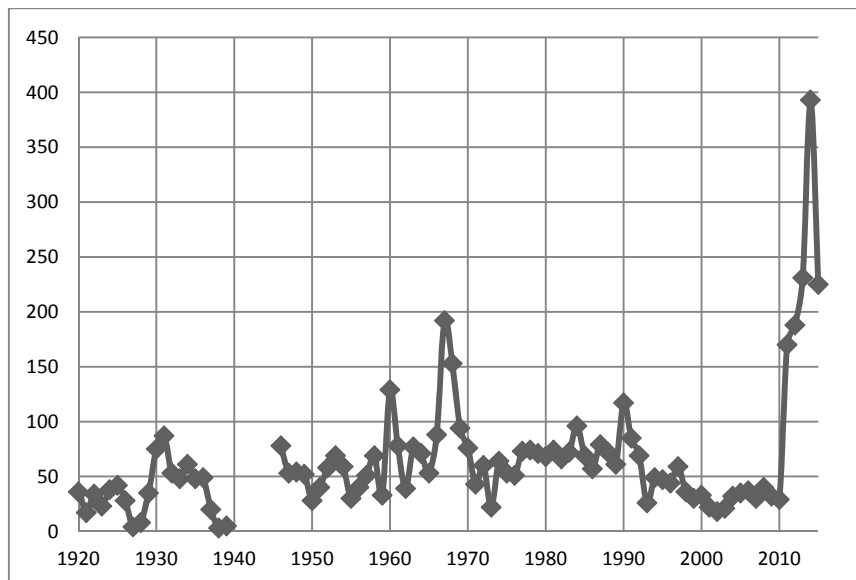

Рис. 3. Динамика общего количества массовых беспорядков, зафиксированных в мире базой данных CNTS, 1920–2015 гг.

Источник: CNTS 2016.

Как мы видим, в 2011 г. число зафиксированных системой CNTS массовых беспорядков в мире возросло почти в шесть раз, а уже в 2013 г. был побит предыдущий мировой рекорд глобальной интенсивности массовых беспорядков 1967–1968 гг. Такого глобального их числа, как в 2013–2015 гг., в мире вообще никогда не фиксировалось (по крайней мере, за период наблюдений системы CNTS).

Формальный *t*-тест показывает, что число массовых беспорядков в 2011–2015 гг. было безусловно статистически значимо более высоким, чем в предшествующий период 2001–2010 гг. (см. Рис. 4).

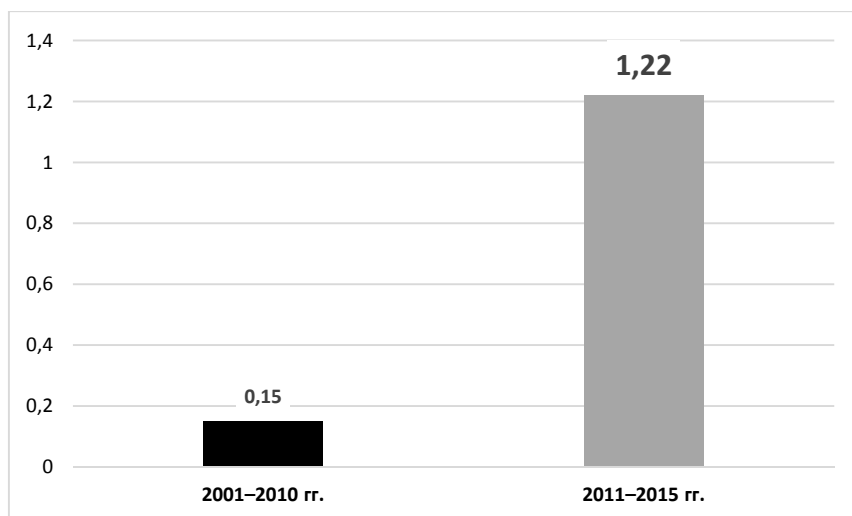

Рис. 4. Глобальная средняя интенсивность массовых беспорядков до и после начала Арабской весны, *t*-тест

Примечание: $t = -14,688$, $p \ll 0,0001$.

Данная гистограмма иллюстрирует среднюю интенсивность массовых беспорядков до и после начала Арабской весны. В период до 2010 г. средняя годовая интенсивность беспорядков равнялась 0,15, в то время как для периода с 2011 по 2015 г. это значение увеличилось до 1,22. Возрастание средней интенсивности беспорядков более чем в 8 раз в совокупности с результатами *t*-теста, подтверждающими статистическую значимость, позволяет говорить о крайне существенном изменении в глобальном уровне массовых беспорядков после начала Арабской весны.

Очень заметно выросло в 2011–2015 гг. и количество крупных политических забастовок. Это число имело достаточно устойчивую тенденцию к снижению начиная с конца 1980-х гг. и вплоть до 2000-х. Однако в 2011 г. количество зарегистрированных системой CNTS крупных политических забастовок в мире увеличилось более чем в 3 раза, а в 2015 г. был побит предыдущий мировой рекорд 1988 г. (см. Рис. 5).

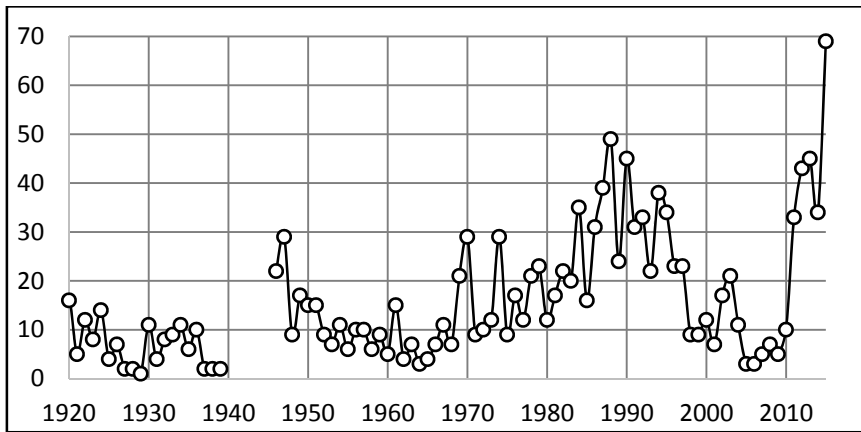

Рис. 5. Динамика общего числа крупных политических забастовок, зафиксированных базой данных CNTS, 1920–2015 гг.

Источник: CNTS 2016.

При этом *t*-тест дает здесь следующие результаты (см. Рис. 6).

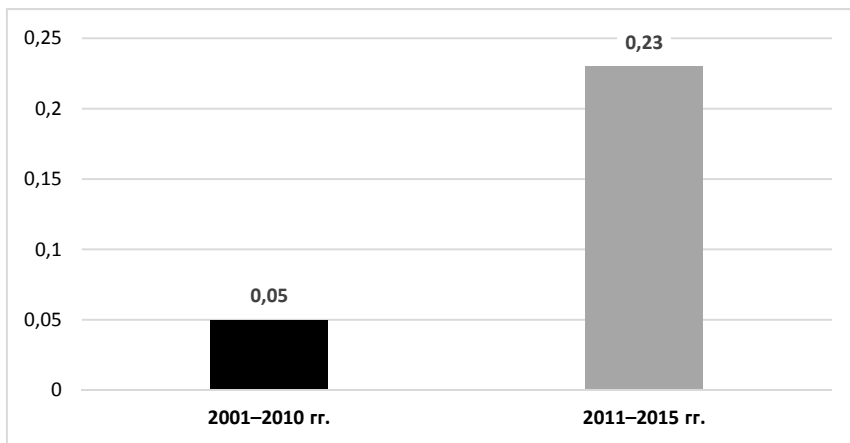

Рис. 6. Глобальная средняя интенсивность крупных политических забастовок до и после начала Арабской весны, *t*-тест

Примечание: $t = -7,198, p \ll 0,0001$.

На данной гистограмме представлено среднее число забастовок за соответствующие периоды. Таким образом, в период 2001–2010 гг. в среднем на одну страну в год приходилось 0,05 забастовки, а в последующий период – 0,23 забастовки. Следовательно, за это время интенсивность забастовок увеличилась более чем в четыре раза. Наш t -тест при этом показывает, что изменения, произошедшие в уровне глобальной забастовочной активности после 2011 г., являются безусловно статистически значимыми. Следовательно, после начала Арабской весны в мире наблюдался очень существенный и статистически значимый рост интенсивности крупных политических забастовок.

Взрывообразно выросли после 2010 г. и глобальные значения интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS² (см. Рис. 7).

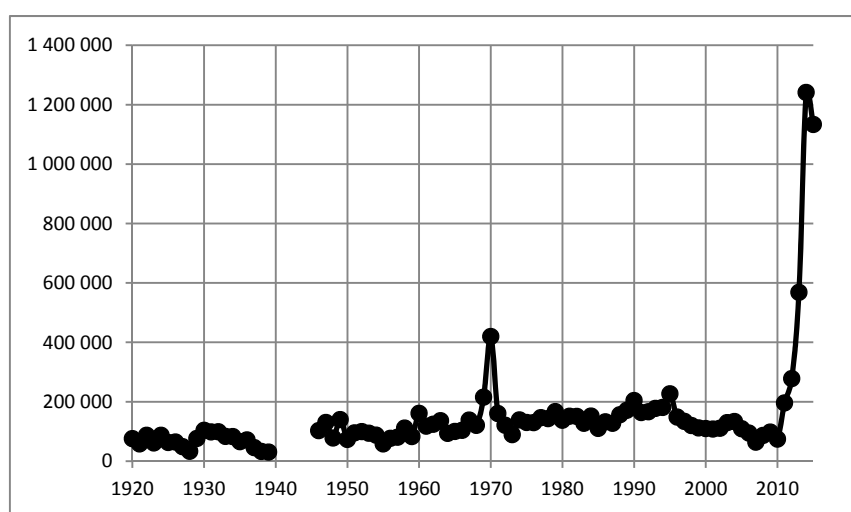

Рис. 7. Динамика глобальных значений интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS, 1920–2015 гг.

Источник: CNTS 2016.

При этом t -тест дает здесь следующие результаты (см. Рис. 8).

² Методику расчета интегрального индекса см. в *Приложении 2*.

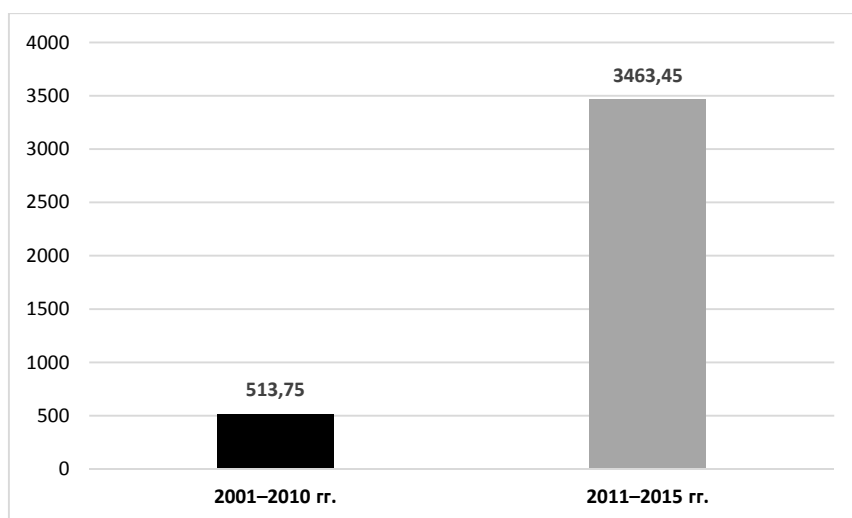

Рис. 8. Глобальные средние значения интегрального индекса социально-политической дестабилизации CENTS до и после начала Арабской весны, *t*-тест

Примечание: $t = -8,589$, $p \ll 0,0001$.

Как мы видим, за 2010–2014 гг. значение глобального интегрального индекса социально-политической дестабилизации выросло почти в 17 раз, и в 2013–2015 гг. эти значения были рекордными за весь период наблюдения CENTS. Наш *t*-тест при этом показывает, что изменения значений глобального интегрального индекса социально-политической дестабилизации после 2011 г. являются безусловно статистически значимыми. Однако особенно сильно в 2010–2014 гг. выросло число зафиксированных системой CENTS в мире терактов/«партизанских действий»³ (см. Рис. 9).

³ В CENTS эта переменная (*domestic3*) обозначена как *Guerrilla Warfare*, что, конечно, буквально должно быть, скорее всего, переведено как «партизанские действия». Однако при этом руководство пользователя базы данных CENTS (Wilson 2017) дает следующее определение этой переменной: «Любая вооруженная деятельность, саботаж или взрывы, выполняемые независимыми группировками граждан или иррегулярными вооруженными формированиями и нацеленные на свержение режима» (*Ibid.*: 13). Более близкий анализ показывает, что в большинстве случаев соответствующие числа в базе данных будут соответствовать прежде всего именно числам крупных терактов.

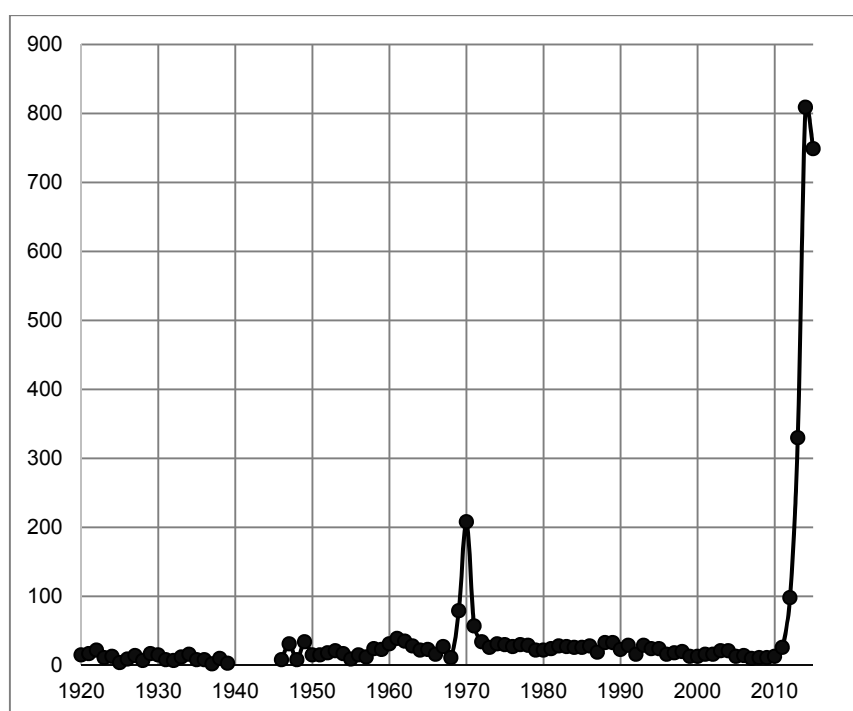

Рис. 9. Динамика общего числа терактов/«партизанских действий» в мире, зафиксированных базой данных CNTS, 1920–2015 гг.

Источник: CNTS 2016.

Как мы видим, с 2011 по 2014 г. число зафиксированных системой CNTS крупных терактов в мире выросло с 13 до 809, то есть практически на два порядка!

При этом *t*-тест дает здесь следующие результаты (см. Рис. 10).

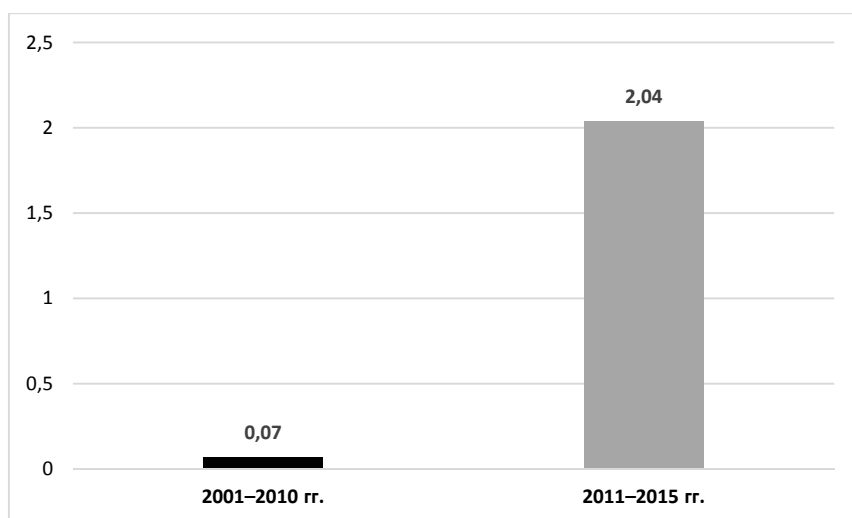

Рис. 10. Глобальная средняя интенсивность терактов до и после начала Арабской весны, *t*-тест

Примечание: $t = -7,437$, $p < 0,0001$.

На данной гистограмме представлено среднее число терактов за соответствующие периоды. Таким образом, в период 2001–2010 гг. в среднем на одну страну в год приходилось 0,07 теракта, а в период 2011–2015 гг. – 2,04 теракта. Отсюда следует, что за это время среднегодовое количество терактов в мире увеличилось почти в 30 раз. Тогда как до 2011 г. ежегодно теракт происходил в каждой 14-й стране, после начала Арабской весны в среднем на одну страну мира приходилось по 2 теракта в год. При этом проведенный нами *t*-тест показывает, что данные различия являются безусловно статистически значимыми. Мы можем говорить о колоссальном возрастании числа крупных терактов после начала Арабской весны.

При этом более внимательный анализ показывает, что нарастание глобальной дестабилизации шло достаточно неравномерно (см. Рис. 11).

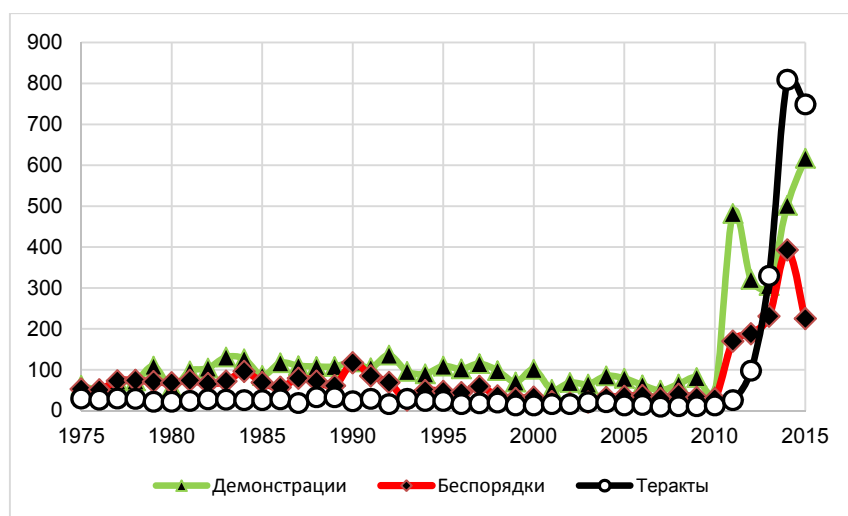

Рис. 11. Динамика общего количества зафиксированных в мире системой CNTS антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и терактов/«партизанских действий»

Источник: CNTS 2016.

Можно видеть, что в 2011 г. в мире особенно сильно выросло количество крупных антиправительственных демонстраций (в 11,5 раз, то есть более чем на порядок). При этом наблюдался заметно менее интенсивный (примерно в 6 раз) рост массовых беспорядков, число же терактов в этом году выросло только в 2 раза. Количество крупных антиправительственных демонстраций в 2011–2013 гг. несколько снизилось, в то время как глобальная интенсивность массовых беспорядков продолжила расти, вплотную приблизившись к интенсивности антиправительственных демонстраций. Глобальное число крупных террористических актов в 2011–2014 гг. росло по экспоненте, превысив в 2014 г. число и тех и других. В целом можно сказать, что нарастание массовых беспорядков шло с некоторым лагом относительно роста числа антиправительственных демонстраций, а увеличение количества террористических актов несколько запаздывало относительно и первых, и вторых.

Уже столь стремительный рост числа массовых беспорядков и террористических актов/«партизанских действий» заставляет предполагать, что рассматриваемые события должны были сопровождаться и ростом репрессий (по принципу «действие рождает противодействие»). Кроме того, особенно сильный рост числа антиправительственных демонстраций в 2011 г. наблюдался именно в авторитарных режимах (Коротаев, Шишкина, Исаев 2016; Акаев *et al.* 2017; Коротаев, Гринин и др. 2016), которые не могли не ответить на них репрессиями. И действительно, в 2011–2014 гг. наблюдался заметный рост этого показателя (см. Рис. 12).

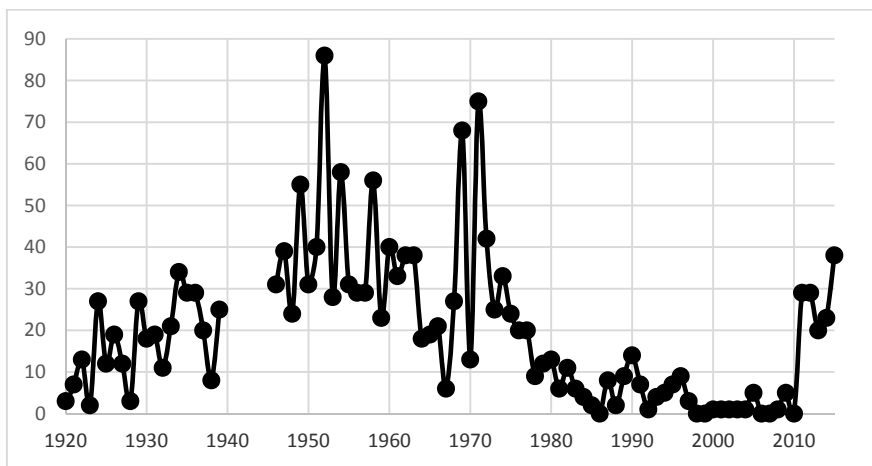

Рис. 12. Динамика общего количества репрессий⁴, зафиксированных в мире базой данных CNTS, 1920–2015 гг.

Источник: CNTS 2016.

При этом *t*-тест дает здесь следующие результаты (см. Рис. 13).

⁴ В CNTS эта переменная (*domestic5*) обозначена как *Purges* («репрессии»). При этом руководство пользователя базы данных CNTS (Wilson 2017) дает следующее определение этой переменной: «Любое систематическое устранение посредством заключения под стражу или казни политической оппозиции как внутри самого режима, так и за его пределами» (*Ibid.*: 13).

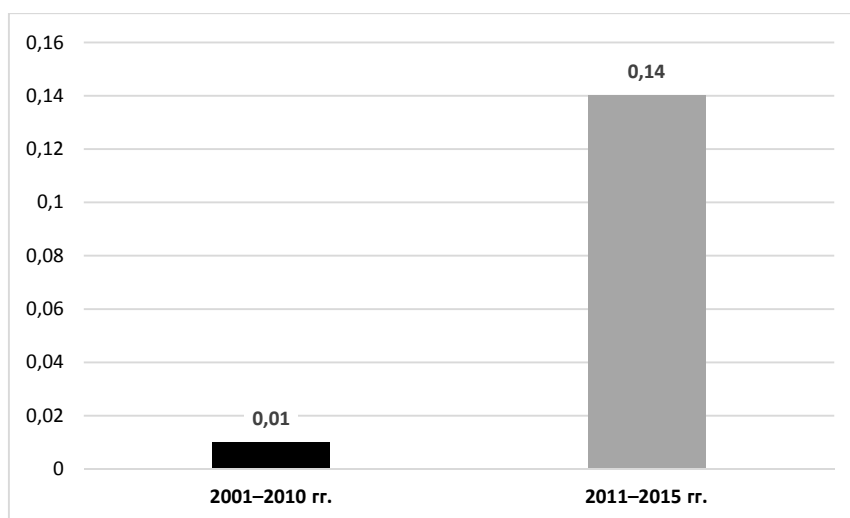

Рис. 13. Глобальная средняя интенсивность репрессий до и после начала Арабской весны, *t*-тест

Примечание: $t = -11,209$, $p < 0,0001$.

На данной гистограмме показана средняя интенсивность репрессий за соответствующие годы. Если с 2001 до 2010 г. среднегодовой показатель интенсивности репрессий равнялся 0,01, то есть их количество было пренебрежимо мало, то с 2011 по 2015 г. он возрос до 0,14, что означает: в среднем в год репрессии случались в каждой 7-й стране. Таким образом, интенсивность репрессий после начала Арабской весны выросла в 14 раз по сравнению с периодом 2001–2010 гг. Зафиксированный рост является статистически значимым согласно результатам *t*-теста.

Вместе с тем, в отличие от всех предыдущих показателей, интенсивность политических репрессий в 2011–2015 гг. не побил исторических рекордов. В период холодной войны наблюдалось достаточное количество лет и с более высокой их глобальной интенсивностью.

Однако в период 2011–2015 гг. наблюдался статистически значимый рост отнюдь не всех показателей социально-политической дестабилизации, а именно: такого роста не наблюдалось для гло-

бального числа политических убийств⁵ и правительственных кризисов⁶, зафиксированных в системе CNTS (см. Рис. 14).

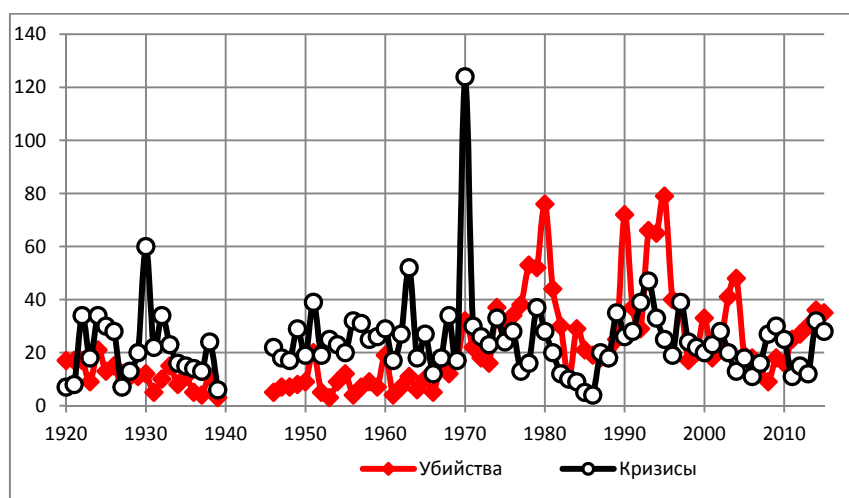

Рис. 14. Динамика общего количества зафиксированных в мире системой CNTS правительственных кризисов и политических убийств, 1920–2015 гг.

Источник: CNTS 2016.

Наконец, имеется один исключительно важный показатель, по которому в 2011–2015 гг. наблюдался не рост, а статистически значимое снижение. Речь идет о переворотах и попытках переворотов⁷ (см. Рис. 15).

⁵ В CNTS эта переменная (*domestic1*) обозначена как *Assassinations* («убийства»). При этом руководство пользователя базы данных CNTS (Wilson 2017) дает следующее определение этой переменной: «Любое политически мотивированное убийство или попытка убийства высокопоставленного чиновника или политика» (*Ibid.*: 12).

⁶ В CNTS эта переменная (*domestic4*) обозначена как *Major Government Crises* («крупные правительственные кризисы»). При этом руководство пользователя базы данных CNTS (*Ibid.*) дает следующее определение этой переменной: «Любая быстро развивающаяся ситуация, которая угрожает падением существующего режима, за исключением восстаний, прямо направленных на такое свержение» (*Ibid.*: 12).

⁷ Отметим, что в CNTS эта переменная (*domestic7*) обозначена как *Revolutions*. Однако при этом дается следующее определение: «Любое нелегальное или насильственное изменение верхушки правящей элиты, любая попытка такого изменения или любое успешное или неуспешное вооруженное восстание, направленное на достижение независимости от центрального правительства» (*Ibid.*: 13). Нетрудно заметить, что данное определение охваты-

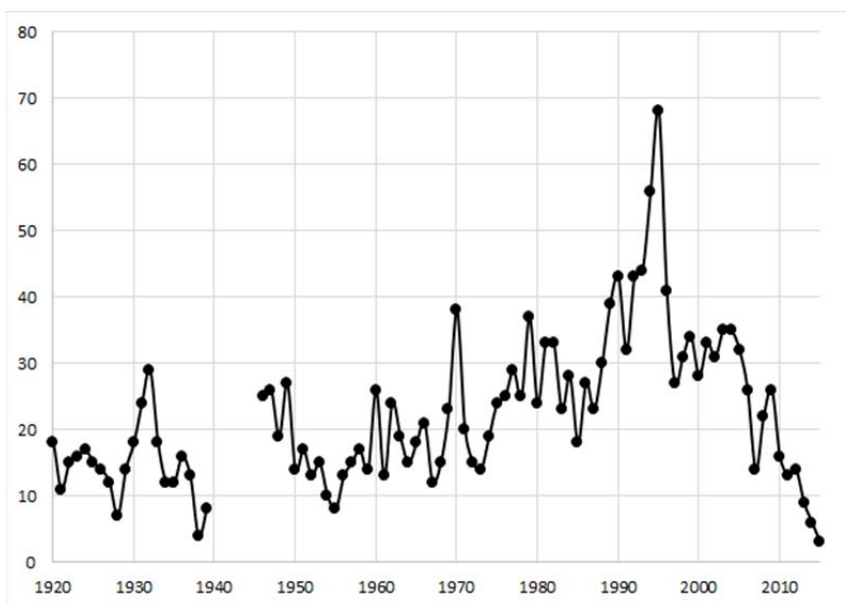

Рис. 15. Динамика общего количества переворотов и попыток переворотов, зафиксированных в мире базой данных CNTS, 1920–2015 гг.

Как мы видим, в 2011–2015 гг. не просто не наблюдалось роста глобального числа переворотов и попыток переворотов, а даже произошло их сокращение. При этом мы наблюдаем в 2011–2015 гг. достаточно плавное продолжение статистически значимой тенденции к снижению числа фиксируемых в мире переворотов и их попыток, намечившейся в 1995–2010 гг. (см. Рис. 16а).

вает не только и не столько собственно революции, сколько перевороты и попытки переворотов, а анализ конкретных событий, включенных в CNTS под этой рубрикой, явно показывает, что число зафиксированных здесь переворотов и их попыток многократно превосходит количество не только собственно революций, но и национально-освободительных восстаний/сепаратистских мятежей. Таким образом, динамика переменной CNTS *domestic7* отражает прежде всего именно динамику переворотов и их попыток (дополнительные доказательства этого см. в: Кортаев, Гринин и др. 2016: Гл. 2).

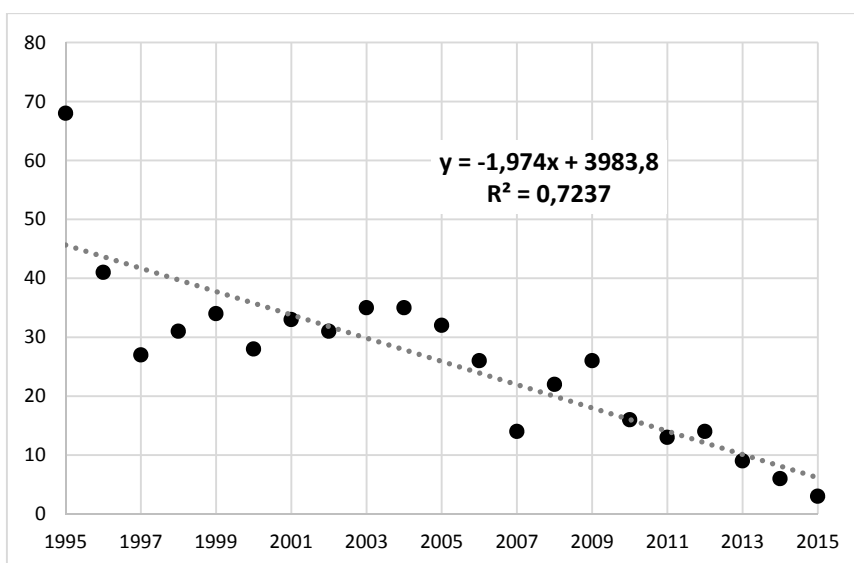

Рис. 16а. Тенденция к снижению числа зафиксированных в мире системой CNTS переворотов и попыток переворотов, 1995–2015 гг.

Примечание: $r = -0,851$; $p \ll 0,0001$.

Примечательно, что продолжение после 2010 г. тенденции последних десятилетий к снижению глобального числа переворотов и попыток переворотов прослеживается и по специализированной базе данных Центра системного мира (Center for Systemic Peace 2016) (см. Рис. 16б).

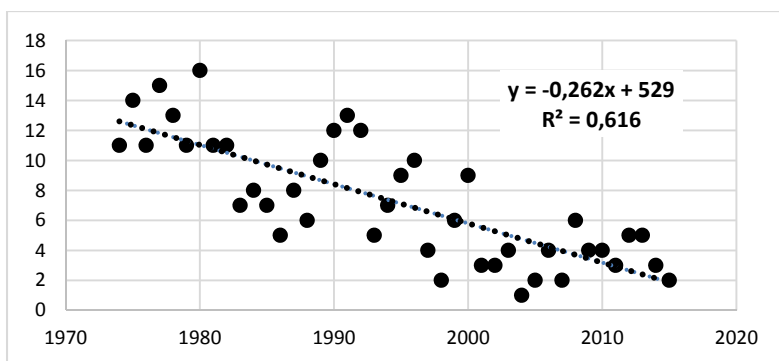

Рис. 166. Тенденция к снижению числа зафиксированных в мире базой данных Центра системного мира переворотов и попыток переворотов, 1975–2015 гг.

Примечание: $r = -0,785$; $p \ll 0,0001$.

Источник данных: Center for Systemic Peace 2016.

При этом t -тест, по данным CNTS, дает здесь следующие результаты (см. Рис. 17).

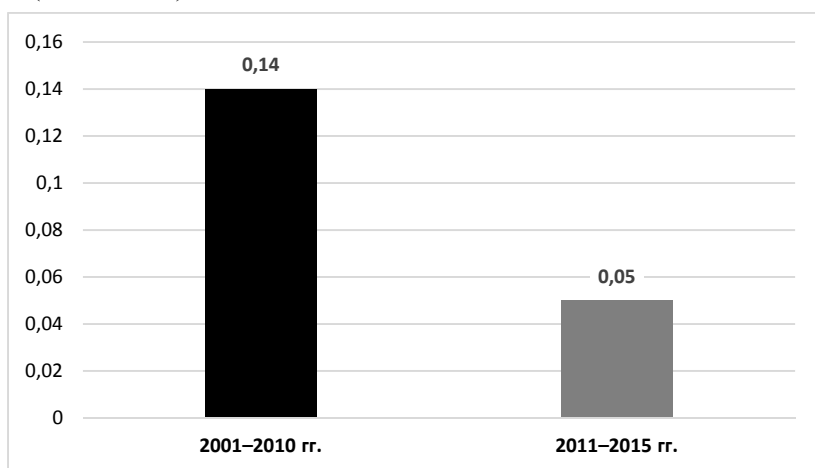

Рис. 17. Глобальная средняя интенсивность переворотов и попыток переворотов до и после начала Арабской весны, t -тест

Примечание: $t = 6,839$, $p < 0,0001$.

Как мы видим, в период 2001–2010 гг. в среднем на каждые 100 стран в год приходилось 14 переворотов, а в период 2011–2015 гг. – всего 5. Таким образом, в 2011–2015 гг. средняя интенсивность переворотов была почти в 3 раза меньше, чем в предшествующий период (2001–2010 гг.) При этом проделанный *t*-тест показывает, что данное различие является статистически значимым.

В этом отношении перевороты и их попытки (продолжившие в 2011–2015 гг. тенденцию к снижению своей глобальной интенсивности) находятся в ярком контрасте с практически всеми остальными индикаторами социально-политической дестабилизации, применительно к которым в 2011 г. наблюдался перелом тренда с отрицательного на положительный – тенденция к достаточно плавному снижению, наблюдавшаяся в предшествующий период, сменилась резким ростом соответствующих индикаторов (см. Рис. 18–236).

Применительно к антиправительственным демонстрациям в высшей степени выраженная ($r = -0,801$) безусловно статистически значимая ($p < 0,0001$) линейная тенденция к глобальному снижению их общего числа прослеживалась на протяжении двух десятилетий, предшествовавших началу Арабской весны (см. Рис. 18).

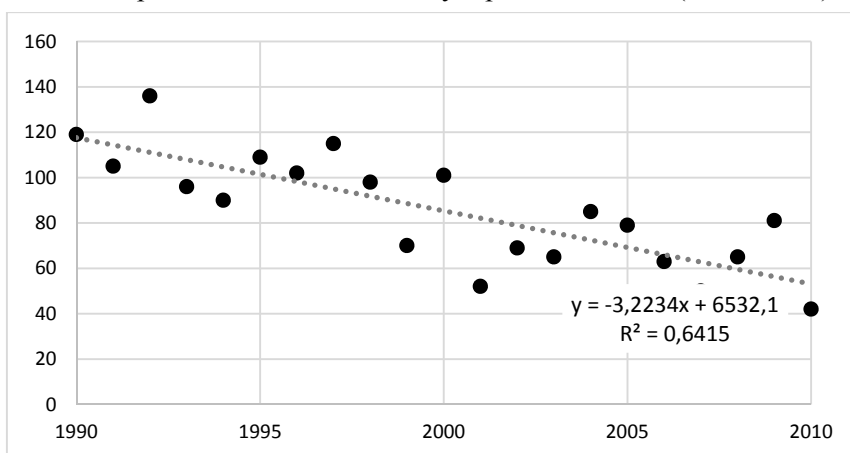

Рис. 18. Тенденция к снижению числа зафиксированных в мире системой CNTS антиправительственных демонстраций, 1990–2010 гг. Диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Примечание: $r = -0,801$; $p < 0,0001$.

И после этого, как мы могли видеть выше, в 2011 г. наблюдался более чем одиннадцатикратный рост их числа до такого уровня, который никогда до этого в системе CNTS не фиксировался.

В те же самые два десятилетия прослеживалась и вполне выраженная статистически значимая тенденция к снижению числа фиксируемых системой CNTS в мире массовых беспорядков (см. Рис. 19).

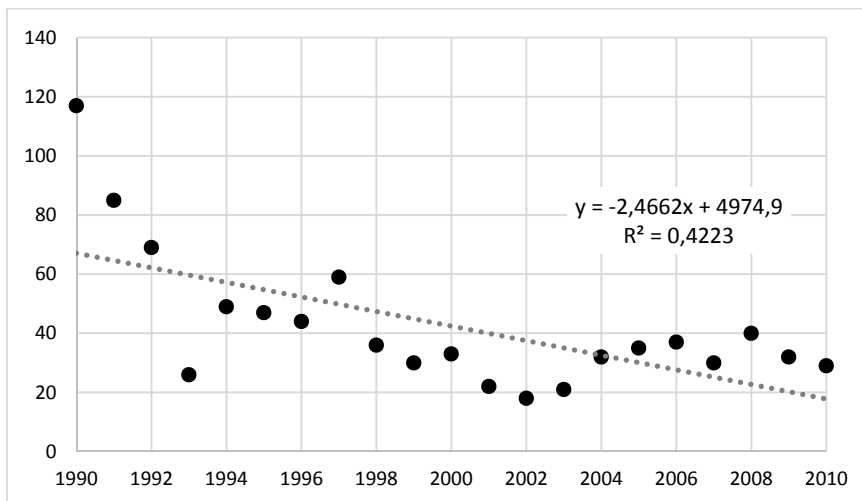

Рис. 19. Тенденция к снижению числа зафиксированных в мире системой CNTS массовых беспорядков, 1990–2010 гг. Диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Примечание: $r = -0,650$; $p = 0,001$.

Как мы видим, тенденция к снижению глобального числа массовых беспорядков в 1990–2010 гг. была не так выражена, как мы могли наблюдать применительно к глобальному числу антиправительственных демонстраций. Трудно сказать, совпадение ли это, но и рост числа массовых беспорядков в годы Арабской весны (см. выше Рис. 3) был не столь выразительным, как у антиправительственных демонстраций (см. выше Рис. 1). Но все равно речь идет об очень впечатляющем росте: в 2011 г. их число выросло почти в 6 раз, а за

2010–2015 гг. – почти в 8 раз (для сравнения: глобальное число антиправительственных демонстраций в 2010–2015 гг. выросло в 14,5 раз). И это, напомним, после двух десятилетий устойчивого снижения глобального количества как антиправительственных демонстраций, так и массовых беспорядков.

Выраженная тенденция к снижению глобального числа политических забастовок прослеживалась с конца 1980-х гг. (см. Рис. 20).

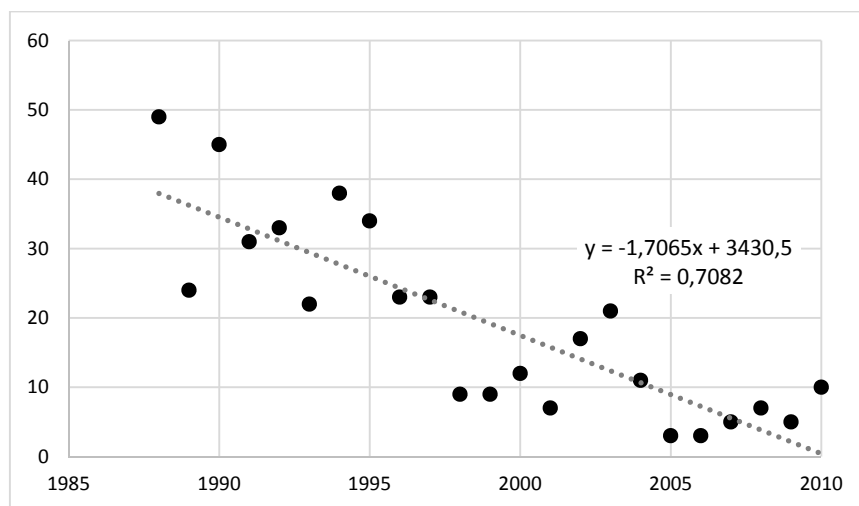

Рис. 20. Тенденция к снижению числа зафиксированных в мире системой CNTS политических забастовок, 1988–2010 гг. Диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Примечание: $r = -0,842$; $p \ll 0,0001$.

И после этого в 2010–2015 гг. их число выросло почти на порядок (см. выше Рис. 5).

Точно так же с конца 1980-х гг. прослеживалась вполне устойчивая тенденция к снижению глобального числа террористических актов (главным исключением здесь явилась первая половина 2000-х гг., когда произошел мощный всплеск террористической активности в результате американской интервенции в Ираке) (см. Рис. 21).

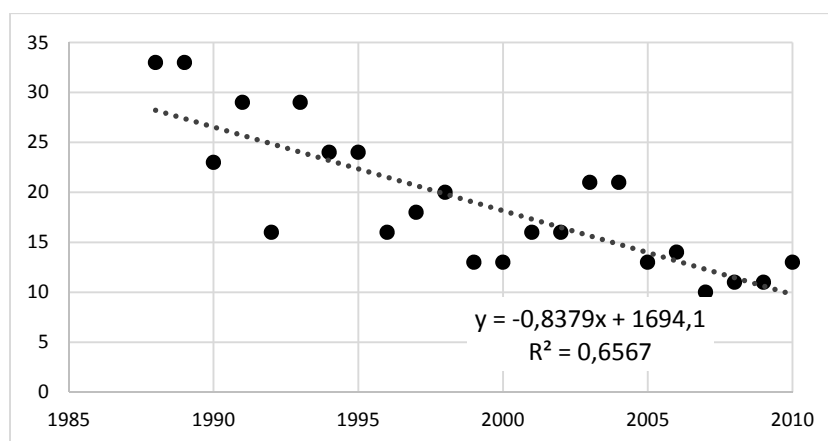

Рис. 21. Тенденция к снижению числа зафиксированных в мире системой CNTS терактов, 1988–2010 гг. Диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Примечание: $r = -0,842$; $p \ll 0,0001$.

И после этого в 2010–2015 гг. глобальное число террористических актов/«партизанских действий», зафиксированных системой CNTS, увеличилось в 62 с лишним раза (практически на два порядка) (см. выше Рис. 9).

Но, как мы уже писали, репрессии являются в заметной степени отражением других основных индексов социально-политической дестабилизации. Вполне очевидно, что когда уровень дестабилизации резко растет, это практически неминуемо сопровождается усилением репрессий со стороны властей. С другой стороны, значительное уменьшение уровня социально-политической нестабильности практически неизбежно влечет за собой уменьшение репрессивной реакции властей. Поэтому в свете проанализированного выше материала вряд ли кого-то может удивить то обстоятельство, что в десятилетие, предшествующее Арабской весне, в мире прослеживалась вполне устойчивая тенденция к снижению глобальной интенсивности политических репрессий (см. Рис. 22).

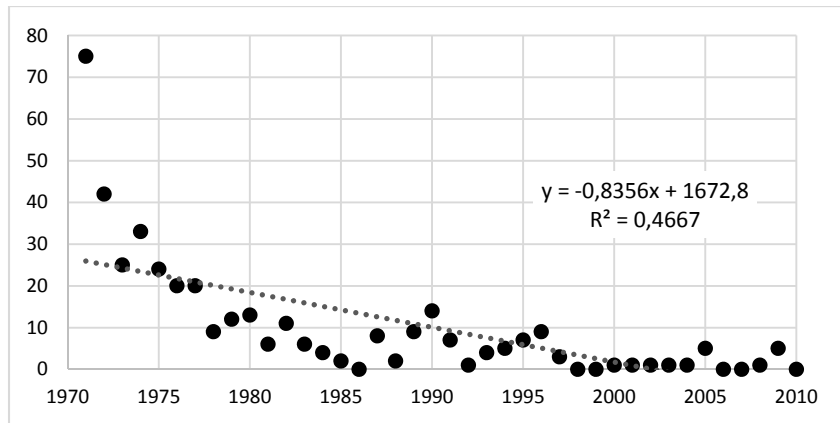

Рис. 22. Тенденция к снижению числа зафиксированных в мире системой CNTS репрессий, 1971–2010 гг. Диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Примечание: $r = -0,683$; $p \ll 0,0001$.

И соответственно, как мы могли видеть на Рис. 12, взрывообразный рост глобальной социально-политической нестабильности после 2010 г. сопровождался бурным ростом интенсивности политических репрессий.

В свете этого вполне ожидаемым образом в годы, предшествовавшие Арабской весне, в мире прослеживалась вполне устойчивая линейная тенденция к снижению глобального интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS (см. Рис. 23а).

Стоит отметить, что особенно статистически значимым здесь все-таки оказывался скорее не линейный, а полиномиальный понижающий тренд (см. Рис. 23б).

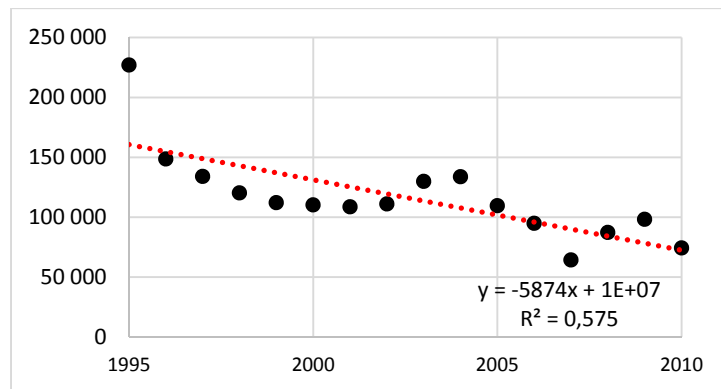

Рис. 23а. Тенденция к снижению значения глобального интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS, 1995–2010 гг. Диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии

Примечание: $r = -0,758$; $p = 0,001$.

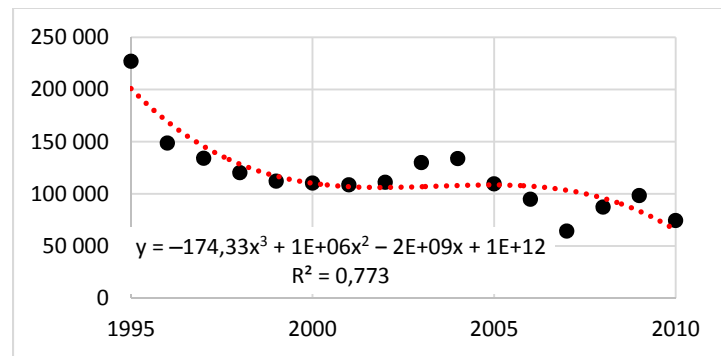

Рис. 23б. Тенденция к снижению значения глобального интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS, 1995–2010 гг. Диаграмма рассеивания с наложенной линией полиномиальной регрессии

Как мы помним, на смену этому вполне устойчивому понижательному тренду 1995–2010 гг. пришел взрывообразный (почти в 17 раз) рост этого индекса после начала Арабской весны (см. выше Рис. 7).

Рассмотрим теперь сводную таблицу, отражающую поведение разных показателей социально-политической дестабилизации до Арабской весны (2001–2010 гг.) и после ее начала (2011–2015 гг.) (см. Табл. 1).

Табл. 1. Поведение разных показателей социально-политической дестабилизации до Арабской весны (2001–2010 гг.) и после ее начала (2011–2015 гг.). Сводная таблица

Переменная	Среднее значение 2001–2010 гг.	Среднее значение 2011–2015 гг.	Во сколько раз выросло	t	Статистическая значимость (p)	Примечания
Теракты	0,07	2,04	29,14	-7,44	<0,0001	Статистически значимый рост
Репрессии	0,01	0,14	14	-11,21	<0,0001	Статистически значимый рост
Беспорядки	0,15	1,22	8,13	-14,69	<0,0001	Статистически значимый рост
Демонстрации	0,33	2,26	6,85	-11,54	<0,0001	Статистически значимый рост
Интегральный индекс дестабилизации	513,75	3463,45	6,74	-8,589	<0,0001	Статистически значимый рост
Политические забастовки	0,05	0,23	4,6	-7,20	<0,0001	Статистически значимый рост
Политические убийства	0,11	0,16	1,45	-1,32	0,19	Статистически незначимый рост
Кризисы	0,11	0,10	0,91	0,555	0,579	Статистически незначимое снижение
Перевороты	0,14	0,05	0,36	6,839	<0,0001	Статистически значимое снижение

Как мы видим, после начала Арабской весны взрывообразный глобальный рост наблюдался для подавляющего большинства показателей социально-политической дестабилизации – антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков, политических забастовок, террористических актов/«партизанских действий» и политических репрессий. Наблюдался он и для глобального интегрального индекса социально-политической дестабилизации. Статистически значимого роста не отмечалось для политических убийств и политических кризисов. С другой стороны, для такого важного показателя глобальной социально-политической дестабилизации, как глобальное число переворотов и их попыток, наблюдалось статистически значимое снижение.

О структуре волны глобальной социально-политической дестабилизации 2011-го и последующих годов

Достаточно примечательно, что результаты проведенного нами анализа динамики глобальной интенсивности разных типов дестабилизации достаточно хорошо коррелируют с результатами недавно проведенного нами анализа корреляции между ВВП на душу населения и уровнями интенсивности социально-политической дестабилизации разных типов. Основные результаты этого анализа представлены ниже (см. Табл. 2–4).

Табл. 2. Характеристики положительной корреляции в левой части спектра значений подушевого ВВП (то есть для стран с низкими и средними доходами)

Типы социально-политической дестабилизации	Вплоть до какого интервала (\$) наблюдается непрерывная положительная корреляция	Сила положительной корреляции (r)	Статистическая значимость положительной корреляции (p)
1	2	3	4
Перевороты и попытки переворотов	Положительной корреляции в левой части спектра не фиксируется		

Окончание Табл. 2

1	2	3	4
Политические репрессии	5300–6400	0,34*	0,337
Политические убийства	5300–6400	0,881*	0,001
«Партизанские действия»/теракты	5300–6400	0,603*	0,033
Правительственные кризисы	10 300–13 500	0,82*	0,004
Массовые беспорядки	14500–20 000	0,607*	0,032
Политические забастовки	10 300–14500	0,93**	< 0,001
Антиправительственные демонстрации	14 500–20 000	0,941**	< 0,001

* Линейная регрессия.

** Логарифмическая регрессия.

Источник: Коротаев, Гринин и др. 2016: Табл. 2.1.

Табл. 3. Интервалы с максимальными значениями интенсивности соответствующих типов социально-политической дестабилизации

Типы социально-политической дестабилизации	Интервал с максимальным значением	Группа стран по уровню душевых доходов
1	2	3
Перевороты и попытки переворотов	min – 1300 долларов	Страны с низкими доходами
Политические репрессии	5300–6400 долларов	Верхний эшелон стран с низкими средними доходами
Политические убийства	5300–6400 долларов	Верхний эшелон стран с низкими средними доходами
Правительственные кризисы	10 300–14 500 долларов	Нижний эшелон стран с высокими средними доходами

Окончание Табл. 3

1	2	3
«Партизанские действия»/теракты	13 500–17 000 долларов	Верхний эшелон стран с высокими средними доходами
Антиправительственные демонстрации	17 000–19 100 долларов ⁸	Верхний эшелон стран с высокими средними доходами
Массовые беспорядки	21 700–24 800 долларов	Верхний эшелон стран с высокими средними доходами
Политические забастовки	23 000–25 000 долларов	Верхний эшелон стран с высокими средними доходами – нижний эшелон стран с высокими доходами

Источник: Кортаев, Гринин и др. 2016: Табл. 2.3.

Табл. 4. Характеристики отрицательной корреляции в правой части спектра значений подушевого ВВП

Типы социально-политической дестабилизации	Начиная с какого интервала (\$) наблюдается непрерывная отрицательная корреляция	Сила отрицательной корреляции (r)	Статистическая значимость отрицательной корреляции (p)
1	2	3	4
Перевороты и попытки переворотов	Отрицательная корреляция прослеживается на протяжении всего спектра значений подушевого ВВП	-0,946**	< 0,001
Политические убийства	5600–7000	-0,953**	< 0,001
Политические репрессии	5500–6700	-0,793**	0,006

⁸ Наряду с интервалом 42 000–55 000 долларов, куда попадают США с характерной для них в период после 2010 г. (начиная с волны «Оссиру...») необычно высокой для экономически развитой страны интенсивностью протестных демонстраций.

Окончание Табл. 4

1	2	3	4
Правительственные кризисы	12 500–14 500	–0,855**	0,002
«Партизанские действия»/теракты	13 500–17 000	–0,616**	0,029
Массовые беспорядки	21 700–24 800	–0,575**	0,082
Политические забастовки	23 000–25 000	–0,77**	0,01
Антиправительственные демонстрации	23 000–25 000	–0,399*	0,253

* Линейная регрессия.

** Логарифмическая регрессия.

Источник: Кортаев, Гринин и др. 2016: Табл. 2.2.

Как мы видим, разные типы социально-политической дестабилизации с точки зрения корреляции с подушевым ВВП разбиваются на несколько групп.

Совершенно особую группу образуют перевороты и попытки переворотов, для которых наблюдается сильная отрицательная корреляция между логарифмом подушевого ВВП и их интенсивностью на протяжении всего спектра значений ВВП на душу населения. Таким образом, экономическое развитие на всем своем протяжении сопровождается долгосрочной тенденцией к *снижению* интенсивности переворотов и их попыток. Отметим, что данный тип социально-политической дестабилизации оказался не менее выраженным аутлаером и в проведенном нами выше анализе паттернов глобальной дестабилизации 2011–2015 гг. Действительно, как мы могли видеть выше, перевороты и попытки переворотов – это единственный тип социально-политической дестабилизации, для которого в 2011–2015 гг. прослеживалась статистически значимая тенденция к снижению.

Для всех остальных типов социально-политической дестабилизации не наблюдается однозначной отрицательной зависимости между ВВП на душу населения и их интенсивностью, когда на всем протяжении спектра значений подушевого ВВП экономиче-

ский рост в долгосрочной тенденции сопровождается снижением интенсивности соответствующих показателей социально-политической дестабилизации. Вместо этого наблюдается так называемая перевернутая U-образная зависимость, когда наиболее высокие риски дестабилизации имеют страны не с самыми низкими, не с самыми высокими, а со средними значениями доходов на душу населения. Таким образом, получается, что вплоть до определенного значения величины средних подушевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков большинства видов социально-политической дестабилизации, и лишь при его высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению соответствующих показателей. В результате для более высоких значений подушевого дохода оказывается характерной отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации соответствующего типа, а для более низких – положительная.

На противоположном полюсе находятся антиправительственные демонстрации, для которых наблюдается особо сильная положительная корреляция для стран с низким и средним доходами, то есть здесь экономическое развитие сопровождается ярко выраженной долгосрочной тенденцией не к снижению, а к *росту* интенсивности антиправительственных демонстраций. При этом если для переворотов и попыток переворотов максимальный уровень приходится на группу стран с наиболее низкими подушевыми доходами, то применительно к антиправительственным демонстрациям наиболее высокий уровень их интенсивности приходится на верхний эшелон стран с высокими средними доходами. Кроме того, для антиправительственных демонстраций наблюдается наиболее низкая отрицательная корреляция между подушевым ВВП и их интенсивностью для стран с высокими доходами. Поэтому хотя перевернутая U-образная зависимость здесь прослеживается, но она характеризуется ярко выраженной левосторонней асимметрией – очень сильная положительная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций для слабо- и среднеразвитых стран сочетается с крайне слабой отрицательной корреляцией для стран высокоразвитых.

Характерно, что в некоторых отношениях антиправительственные демонстрации оказываются на полюсе, прямо противополож-

ном переворотам, и применительно к глобальной дестабилизации, запущенной в начале 2011 г. событиями Арабской весны. Действительно, если после 2010 г. глобальная интенсивность переворотов и их попыток значительно снизилась, то именно применительно к антиправительственным демонстрациям в 2011 г. наблюдался особо сильный (более чем на порядок) рост их глобального числа. При этом уже в 2011 г. глобальное число антиправительственных демонстраций в разы превысило уровни, наблюдавшиеся когда-либо до этого.

К антиправительственным демонстрациям в обоих отношениях тесно примыкают такие типы социально-политической дестабилизации, как массовые беспорядки и политические забастовки. В левой части спектра они демонстрируют достаточно сильную статистически значимую положительную корреляцию с подушевым ВВП, но она заметно ниже, чем то, что мы видим применительно к антиправительственным демонстрациям. Однако, с другой стороны, сплошная положительная корреляция в левой части спектра прослеживается на столь же протяженном интервале, что и применительно к антиправительственным демонстрациям, а своего максимального значения интенсивность массовых беспорядков достигает на еще более высоком интервале, чем применительно к демонстрациям протеста. Соответственно и в 2011–2015 гг. они продемонстрировали почти столь же взрывообразный глобальный рост, что и антиправительственные демонстрации, так же побив все прежние исторические рекорды. Практически то же самое можно сказать в обоих отношениях (хотя и в чуть меньшей степени) применительно к политическим забастовкам.

Таким образом, антиправительственные демонстрации, массовые беспорядки и политические забастовки образуют очень тесный кластер типов социально-политической дестабилизации, во многом противоположащий переворотам и их попыткам. В отличие от последних для первых характерна, с одной стороны, не отрицательная, а сильно выраженная положительная корреляция между ВВП на душу населения и их интенсивностью применительно к слабо- и среднеразвитым странам, а с другой – в отличие от первых для них характерно не снижение, а взрывообразный рост в период глобальной дестабилизации, запущенной Арабской весной, с побиванием всех рекордов их глобального числа.

К переворотам в обоих отношениях примыкают такие типы социально-политической дестабилизации, как массовые репрессии и политические убийства. Для них характерна выраженная правосторонняя асимметрия; максимальная интенсивность этих двух типов социально-политической дестабилизации наблюдается для группы стран с довольно низкими подушевыми доходами (в интервале 5300–6400 долларов); относительно небольшой зоне положительной корреляции в левой части спектра соответствует обширная зона отрицательной корреляции в его правой части, при этом отрицательная корреляция в правой части спектра оказывается значительно сильнее положительной корреляции в его левой части. Таким образом, в плане корреляции с подушевым ВВП оба эти типа социально-политической дестабилизации разительно отличаются от массовых беспорядков, политических забастовок и антиправительственных демонстраций, для которых характерна левосторонняя асимметрия с положительной корреляцией в левой части спектра, значительно более сильной, чем отрицательная корреляция в его правой части, с заметно более обширной зоной положительной корреляции и значительно более высоким интервалом значений подушевого ВВП, в котором наблюдаются максимальные значения этих видов дестабилизации.

Примечательно, что после 2010 г. паттерн динамики политических убийств и массовых репрессий оказался существенно отличным от того, что наблюдалось применительно к «большой тройке» – массовым беспорядкам, политическим забастовкам и антиправительственным демонстрациям. Интенсивность политических репрессий предсказуемым образом выросла очень значительно, но, как мы могли видеть выше (см. Рис. 12), в отличие от демонстраций, беспорядков, забастовок и терактов/«партизанских действий», глобальная интенсивность политических репрессий выросла до уровней, которые ни в коем случае нельзя назвать исторически беспрецедентными. С другой стороны, как мы могли видеть выше (см. Рис. 14 и Табл. 1), никакого статистически значимого роста глобальной интенсивности политических убийств после 2010 г. в мире не наблюдалось.

Наконец, теракты/«партизанские действия» и здесь занимают особое положение относительно и массовых репрессий, и полити-

ческих убийств, тяготеющих к переворотам (с характерной для них отрицательной корреляцией с подушевым ВВП), и массовых беспорядков, и забастовок, тяготеющих к антиправительственным демонстрациям (с более характерной для них положительной корреляцией с ВВП на душу населения). Как мы помним (см. Рис. 11), после 2010 г. рост глобальной интенсивности этого типа социально-политической дестабилизации был совершенно сопоставим с ростом глобальной интенсивности демонстраций, забастовок и беспорядков; однако рост его глобальной интенсивности шел со значительным запаздыванием (лагом) относительно «большой тройки». Действительно, уже в 2011 г. (относительно 2010 г.) наблюдался взрывообразный рост глобального числа демонстраций (в 11,5 раз), беспорядков (почти в 6 раз) и политических забастовок (более чем в 3 раза). При этом в 2012–2013 гг. глобальное число крупных антиправительственных демонстраций несколько уменьшилось (продолжая, впрочем, оставаться на рекордно⁹ высоких уровнях), а глобальное число массовых беспорядков и крупных политических забастовок хотя и продолжало расти, но заметно более низкими темпами, чем в 2011 г.

Рост глобального числа терактов/«партизанских действий» продемонстрировал совсем другую логику. В 2011 г. этот рост был довольно скромным (100 % по сравнению с 230 % для забастовок, 486 % для беспорядков и 1048 % для политических беспорядков). Зато в последующие годы (в отличие от демонстраций, беспорядков и забастовок) темпы роста глобального числа терактов/«партизанских действий» испытали значительное ускорение. В 2012–2014 гг. среднегодовые темпы прироста глобального числа терактов/«партизанских действий» составили 215 %, в результате чего данное число за эти годы увеличилось более чем в 30 (!) раз. Для сравнения: в те же годы среднегодовые темпы прироста глобального числа массовых беспорядков составили 32 %, забастовок – 1 %, а применительно к демонстрациям они имели отрицательные значения. В результате в 2012–2014 гг. на фоне тридцатикратного роста глобального числа терактов/«партизанских действий» глобальное число массовых беспорядков выросло лишь в два раза, забастовок – на 3 %, а глобальное число крупных антиправительственных демонстраций даже несколько уменьшилось.

⁹ По сравнению с периодом до 2011 г.

Таким образом, бурный рост в 2011 г. глобального числа демонстраций, забастовок и беспорядков можно считать разными сторонами одного процесса, а вот рост в последующие годы глобального числа терактов/«партизанских действий» следует считать достаточно автономным процессом, хотя в конечном счете и запущенным первым, но имеющим свою достаточно автономную логику развития.

В целом мы видим, что особенно сильный рост глобальной интенсивности после 2010 г. прослеживается для тех типов социально-политической дестабилизации, для которых характерна более выраженная положительная корреляция между их интенсивностью и подушевым ВВП. Для тех же типов социально-политической дестабилизации, для которых в большей степени характерна отрицательная корреляция (для средне- и высокоразвитых стран), а положительная корреляция (для слаборазвитых стран) выражена слабее или отсутствует вообще, рост интенсивности либо был менее выразительным, чем для первой группы, либо отсутствовал, либо даже был отрицательным.

Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ

При этом, конечно, возникают вопросы, насколько глобальное эхо Арабской весны было сопоставимо по своим масштабам с самой Арабской весной; насколько рост масштабов глобальной дестабилизации после 2010 г. был связан с его ростом в арабских странах; наблюдался ли сопоставимый по масштабам рост в других макрорегионах Мир-Системы. Для этого представляется целесообразным для начала рассмотреть отдельно протекание в последние годы дестабилизационных процессов в Арабском мире и за его пределами.

Рассмотрение это начнем с динамики интенсивности антиправительственных демонстраций.

Антиправительственные демонстрации

Рассмотрим для начала отдельно динамику общего числа крупных антиправительственных демонстраций в Арабском мире и за его пределами в 1920–2015 гг. и в 1990–2015 гг. (см. Рис. 24).

Рис. 24. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в Арабском мире и за его пределами в 1920–2015 гг.

Источник: CNTS 2016.

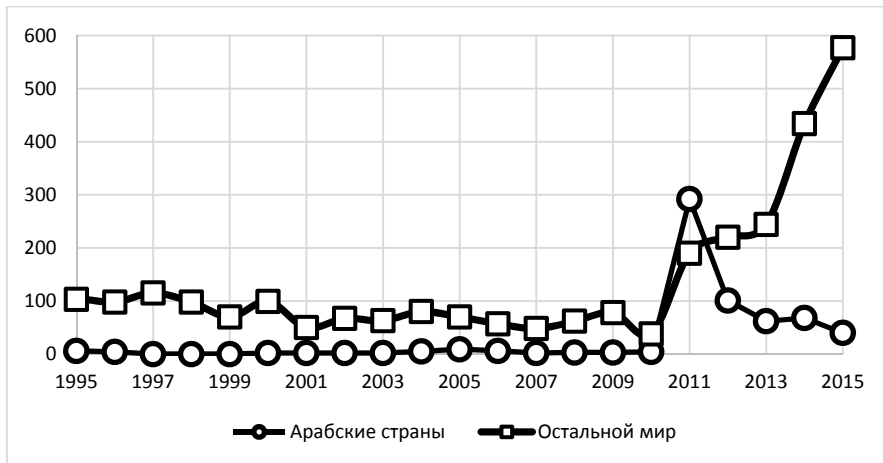

Рис. 25. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в Арабском мире и за его пределами в 1995–2015 гг.

Как мы видим, только в 2011 г. главный вклад в рост глобальной интенсивности антиправительственных демонстраций внесли арабские страны, давшие в общей сложности практически две трети этого прироста (65,5 %). С другой стороны, после 2011 г. интенсивность антиправительственных демонстраций в Арабском мире весьма значительно снизилась (хотя и в 2015 г. по сравнению с периодом до 2011 г. она оставалась на крайне высоком уровне; вместе с тем в остальном мире интенсивность демонстраций протеста продолжила свой рост, и, как мы помним, в 2015 г. общее число зафиксированных в мире крупных антиправительственных демонстраций с запасом побило рекорд 2011 г., перекрыв его почти на треть. В этот дальнейший рост глобальной протестной активности арабские страны уже никакого вклада не внесли; рекордный уровень глобальной протестной активности в 2015 г. был обусловлен протестной активностью в арабских странах (где было отмечено менее 6,5 % от общего числа зафиксированных в мире крупных антиправительственных демонстраций) в очень слабой степени. Таким образом, хотя именно взрыв протестной активности в арабских странах в 2011 г. и запустил стремительный рост числа крупных протестных демонстраций в остальном мире, сами арабские страны после 2011 г. в поддержку по-прежнему аномально высокого уровня глобальной протестной активности уже вносили совсем небольшой вклад. В конечном счете по этому показателю масштабы глобального эха Арабской весны многократно перекрыли ее собственные масштабы.

Достаточно близкую картину мы наблюдаем и применительно к массовым беспорядкам (см. Рис. 26–27).

Как мы видим, только в 2011 г. арабские страны внесли решающий вклад в рост глобального числа массовых беспорядков. Хотя и за пределами Арабского мира их число выросло очень сильно, почти в три раза, главный вклад (снова, кстати, порядка двух третей) в драматический глобальный рост их числа в этот год внесли именно арабские страны. Как и в случае с антиправительственными демонстрациями, после 2011 г. интенсивность массовых беспорядков испытала весьма значительный спад (хотя и не столь значительный, как применительно к демонстрациям протеста). Однако резкий рост глобальной интенсивности массовых беспорядков про-

должился вплоть до 2014 г., а в исторический рекорд 2014 г. арабские страны (где система CNTS зафиксировала в этом году лишь менее 14 % от общего числа зафиксированных в мире крупномасштабных массовых беспорядков) внесли совсем небольшой вклад. И снова в конечном счете по этому показателю масштабы глобального эха Арабской весны многократно перекрыли ее собственные.

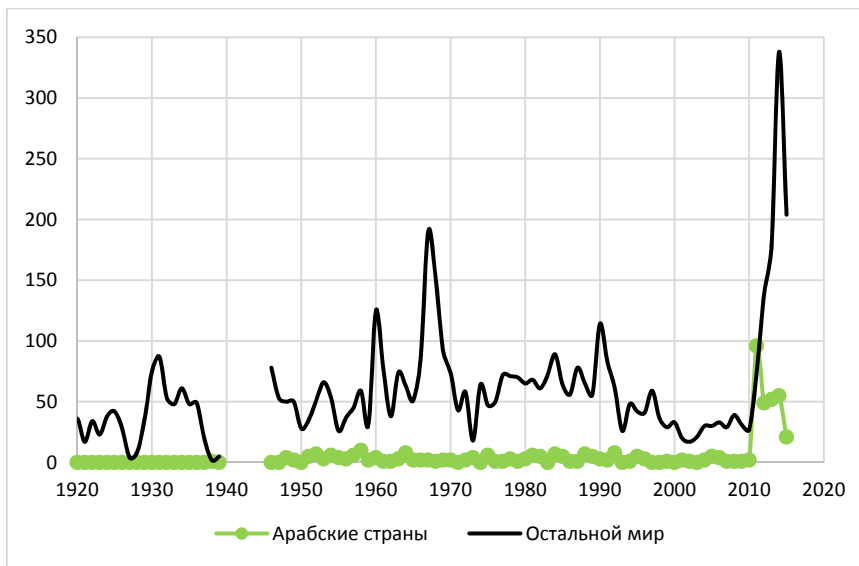

Рис. 26. Динамика общего числа крупномасштабных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в Арабском мире и за его пределами в 1920–2015 гг.

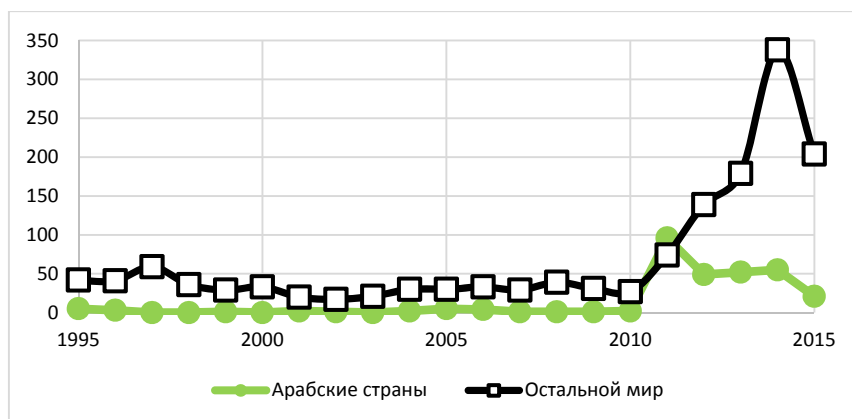

Рис. 27. Динамика общего числа крупномасштабных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в Арабском мире и за его пределами в 1995–2015 гг.

Политические забастовки

Здесь мы наблюдаем случай того, как глобальное эхо Арабской весны стало перекрывать масштабы самой Арабской весны уже в 2011 г. (см. Рис. 28 и 29).

Рис. 28. Динамика общего числа политических забастовок, зафиксированных базой данных CNTS в Арабском мире и за его пределами в 1920–2015 гг.

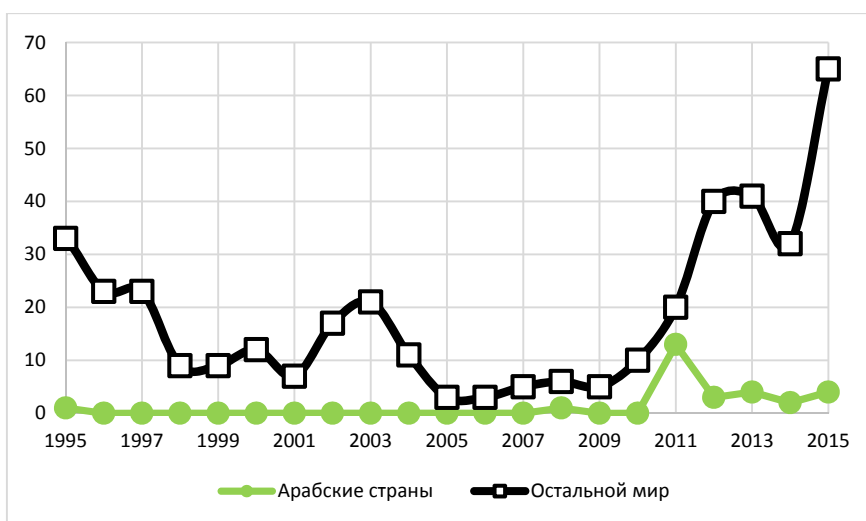

Рис. 29. Динамика общего числа крупномасштабных политических забастовок, зафиксированных базой данных CNTS в Арабском мире и за его пределами в 1995–2015 гг.

Как мы видим, в 2011 г. в Арабском мире наблюдался в высшей степени радикальный рост числа крупных политических забастовок. И здесь арабские государства внесли огромный (более 55 %) вклад в рост глобального числа крупномасштабных политических забастовок в 2011 г. Но и здесь масштабы глобального эха Арабской весны многократно перекрыли ее собственные. Уже в продолжившийся в 2012 г. рост глобального числа политических забастовок арабские страны внесли не положительный, а отрицательный вклад, и в исторический рекорд 2015 г. вклад арабских стран (менее 6 %) был в высшей степени скромным.

Таким образом, Арабская весна сыграла роль именно триггера начавшейся в 2011 г. волны глобальной социально-политической дестабилизации. Только в 2011 г. рост глобального числа крупномасштабных антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок в высокой степени (хотя и далеко не полностью) объясняется их ростом в Арабском мире.

В наблюдавшийся же в последующие годы очень заметный дальнейший рост глобального числа крупномасштабных антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок арабские страны внесли скорее отрицательный вклад (рост глобальной интенсивности всех этих трех важнейших типов социально-политической дестабилизации продолжился, несмотря на ее спад в Арабском мире). Таким образом, по всем этим трем важнейшим показателям социально-политической дестабилизации масштабы глобального эха Арабской весны многократно перекрыли ее собственные.

Террористические акты/ «партизанские действия»

Как и следовало бы ожидать исходя из всего, что было проанализировано выше, применительно к этой форме социально-политической дестабилизации эффект глобального эха Арабской весны проявился в весьма своеобразной форме (см. Рис. 30–32).

Рис. 30. Динамика общего числа террористических актов/ «партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в Арабском мире и за его пределами в 1920–2015 гг.

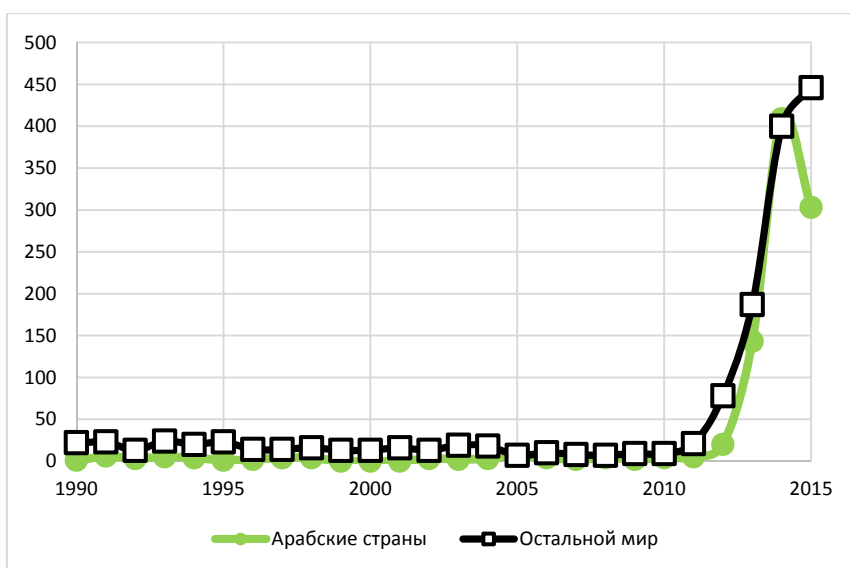

Рис. 31. Динамика общего числа террористических актов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в Арабском мире и за его пределами в 1990–2015 гг.

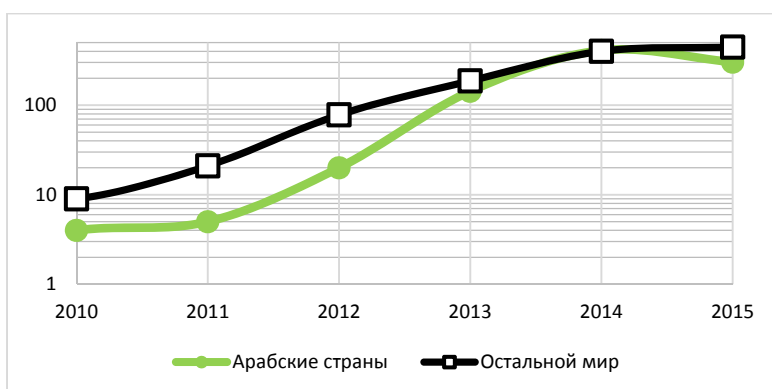

Рис. 32. Динамика общего числа террористических актов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в Арабском мире и за его пределами в 1990–2015 гг.

Как мы видим, в 2011–2012 гг. основной прирост глобального числа терактов/«партизанских действий» дали неарабские страны – речь идет прежде всего о Нигерии, Пакистане, Афганистане, Мали, Филиппинах, Сомали и т. д. Вместе с тем, как мы увидим ниже, рост террористической активности во многих из этих стран был напрямую связан с событиями Арабской весны (так что по этому показателю глобальное эхо Арабской весны в 2011–2012 гг. превзошло по своим масштабам ее саму). А вот уже в побивание в 2013–2014 гг. исторических рекордов глобальной интенсивности терактов/«партизанских действий» арабские государства внесли непропорционально большой вклад – в результате усиления в них исламистского экстремизма, развертывания полномасштабных гражданских войн в Ливии, Сирии, Йемене и Ираке, создания «Исламского государства» и т. п.

Рассмотрим теперь, как эхо Арабской весны проявилось в различных макрорегионах и макрizonaх Мир-Системы, и начнем с наиболее экономически развитых стран (так называемого Запада)¹⁰.

Арабская весна и экономически наиболее развитые страны (Запад)

Рассмотрим для начала отдельно динамику общего числа крупных антиправительственных демонстраций в странах Запада и Арабском мире в 1920–2015 гг. и в 1990–2015 гг. (см. Рис. 33–34). Точки данных по арабским странам будут служить нам здесь в качестве «реперных точек», позволяющих лучше понять, насколько эхо Арабской весны в соответствующей зоне было сопоставимо с масштабами самой Арабской весны.

¹⁰ В этот макроагрегат нами были включены страны Западной Европы, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония.

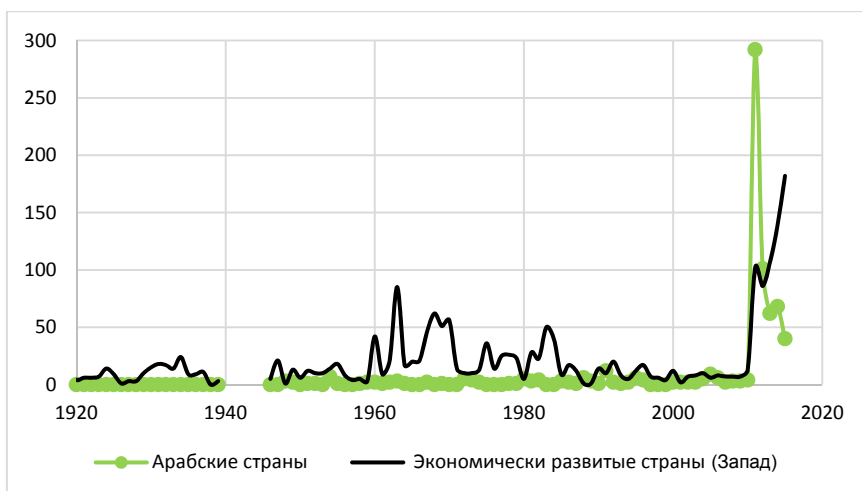

Рис. 33. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Запада и Арабском мире в 1920–2015 гг.

Рис. 34. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Запада и Арабском мире в 1995–2015 гг.

Как мы видим, общее число зафиксированных в странах Запады протестных демонстраций возросло в 2011 г. весьма значительно (почти в 8 раз), побив исторические рекорды бурных 1960-х гг., что внесло заметный, но достаточно скромный (в сравнении с арабскими странами) вклад в рост глобального числа антиправительственных демонстраций в 2011 г. А вот в продолжение роста глобального числа крупных протестных демонстраций в 2014–2015 гг. (с новым побиванием глобальных исторических рекордов) страны Запады внесли уже несравненно больший вклад, чем арабские государства.

Применительно к динамике числа массовых беспорядков динамика в обеих зонах выглядит здесь следующим образом (см. Рис. 35–36).

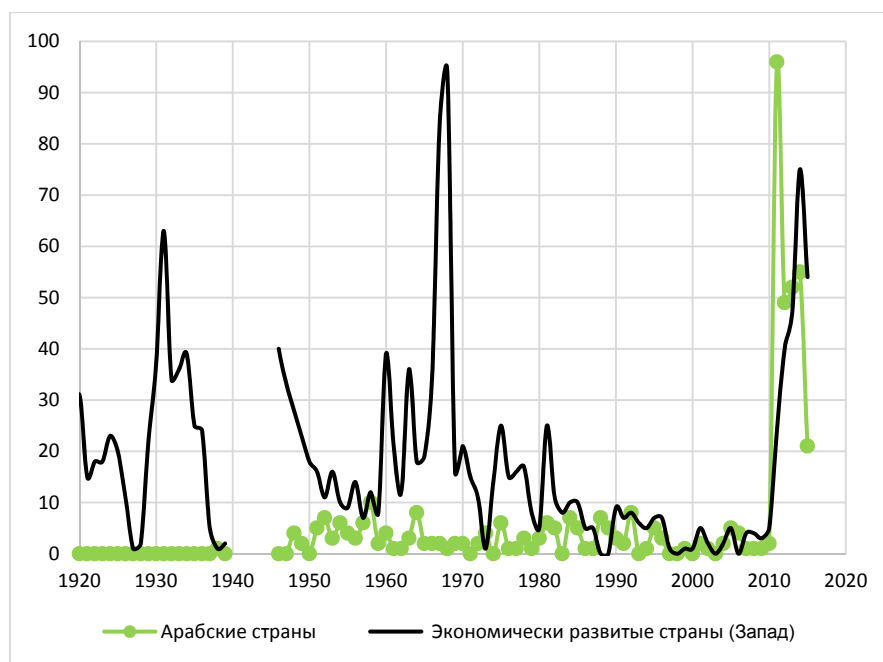

Рис. 35. Динамика общего числа массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в странах Запады и Арабском мире в 1920–2015 гг.

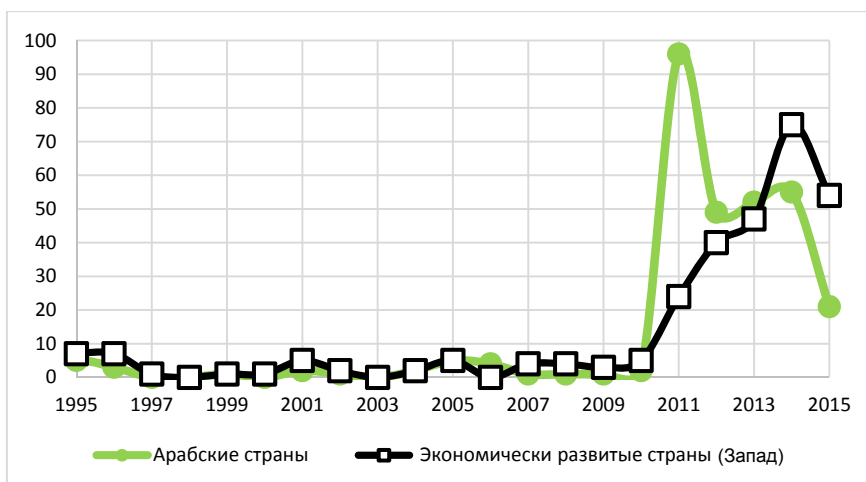

Рис. 36. Динамика общего числа массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в странах Запады и Арабском мире в 1995–2015 гг.

Картина здесь в целом получается очень схожей (но не полностью идентичной) с той, что мы могли видеть выше применительно к антиправительственным демонстрациям. В 2011 г. в странах Запады наблюдался впечатляющий (почти в 5 раз) рост числа массовых беспорядков. Однако рост этот здесь был все-таки слабее восьмикратного роста числа антиправительственных демонстраций. При этом вклад Запады в рост глобальной социально-политической дестабилизации был в обоих случаях вполне заметным, но при этом очень сильно уступал вкладу арабских стран (в пять раз применительно к демонстрациям и в четыре раза применительно к беспорядкам). При этом если по числу крупных протестных демонстраций Запады уже в 2011 г. побил собственные исторические рекорды 1960-х гг., то по числу массовых беспорядков он в этом году не подошел к пиковым значениям бурных шестидесятых даже близко. Действительно близко к рекордному уровню 1968 г. Запады удалось приблизиться только в 2014 г., и в побитие исторического рекорда 2014 г. по глобальному числу массовых беспорядков он внес заметно (более чем на треть) больший вклад, чем арабские страны. Впрочем,

для сравнения стоит отметить, что в побиение исторического рекорда 2015 г. по числу демонстраций протеста Запад внес больший вклад (уже более чем в 4,5 раза), чем арабские страны.

В чем-то близкая ситуация здесь наблюдается и применительно к политическим забастовкам (см. Рис. 37–38).

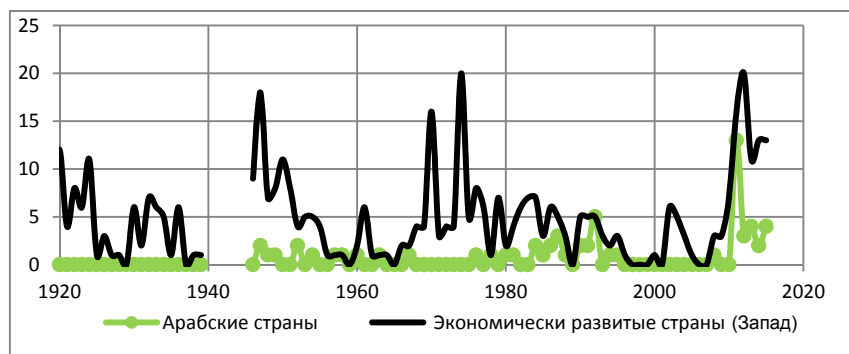

Рис. 37. Динамика общего числа крупных политических забастовок, зафиксированных базой данных CNTS в странах Запада и Арабском мире в 1920–2015 гг.

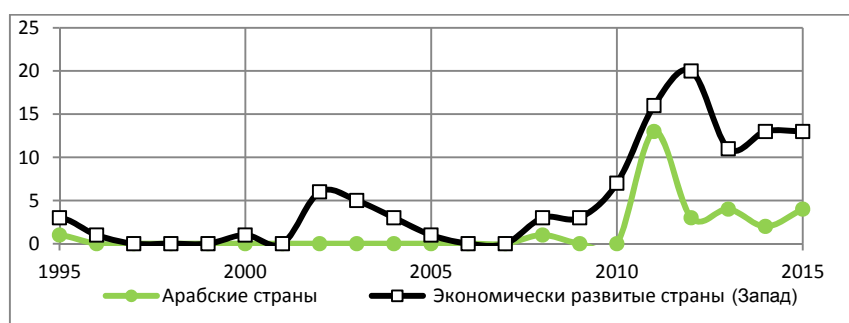

Рис. 38. Динамика общего числа крупных политических забастовок, зафиксированных базой данных CNTS в странах Запада и Арабском мире в 1995–2015 гг.

Легко заметить, что тренд к росту числа политических забастовок прослеживается в странах Запада еще с 2007–2008 гг. в тесной связи с начавшимся в эти годы глобальным финансово-экономи-

ческим кризисом и Великой рецессией. Однако в 2011 г. на Западе наблюдался совершенно нетривиальный рост числа политических забастовок, который можно в значительной степени считать эхом Арабской весны. Вместе с тем и здесь вклад арабских стран во впечатляющий рост глобального числа политических забастовок в 2011 г. значительно (почти в полтора раза) превзошел вклад Запада (впрочем, вспомним, что применительно к массовым беспорядкам это превосходство было четырехкратным, а применительно к протестным демонстрациям – пятикратным). А вот в исторический рекорд 2015 г. страны Запада уже внесли более чем в три раза больший вклад, чем арабские государства.

Однако в рост глобального числа терактов/«партизанских действий» страны Запада внесли крайне незначительный вклад (см. Рис. 39 и 40).

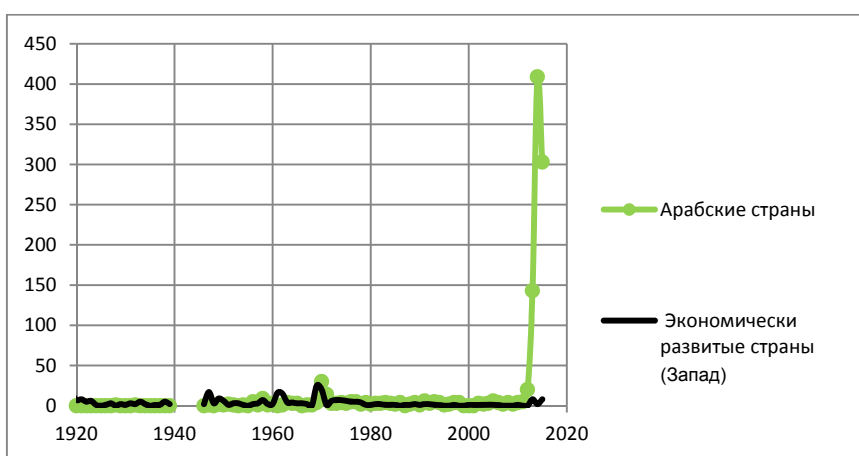

Рис. 39. Динамика общего числа терактов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в странах Запада и Арабском мире в 1920–2015 гг.

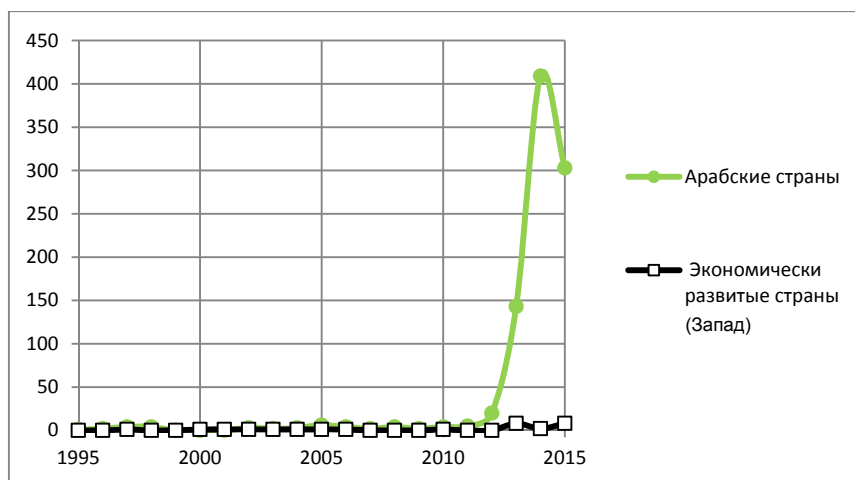

Рис. 40. Динамика общего числа терактов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в странах Запада и Арабском мире в 1995–2015 гг.

Впрочем, как мы знаем, глобальная волна террористических актов докатилась и до Запада (выступив в значительной степени в качестве одного из отголосков Арабской весны), однако по-настоящему это проявилось только в 2016 г., находящемся за пределами нашего рассмотрения.

В целом же запущенная Арабской весной глобальная дестабилизационная лавина привела к мощнейшей социально-политической дестабилизации стран Запада (если измерять ее при помощи интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS, см. Рис. 41).

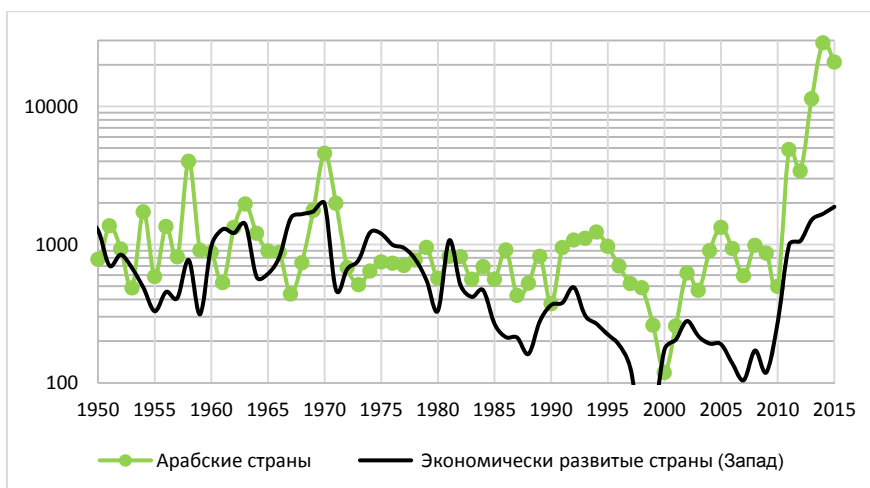

Рис. 41. Динамика среднестрановых значений интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS в странах Запада и арабских странах, 1950–2015 гг., **логарифмический масштаб**

Как мы видим, с одной стороны, общий уровень социально-политической дестабилизации в странах Запада в 2011–2015 гг. оказался на порядок более низким, чем в Арабском мире, однако он все равно был очень значительным, выйдя на уровни «ревущих шестидесятых» годов.

Достаточно своеобразно проявило себя глобальное эхо Арабской весны и в Латинской Америке (см. Рис. 42 и 43).

Рис. 42. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Латинской Америки и Арабском мире в 1920–2015 гг.

Рис. 43. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Латинской Америки и Арабском мире в 1995–2015 гг.

Как мы видим, по показателю общего числа антиправительственных демонстраций Латинская Америка (в отличие от стран Запада) практически никак не отреагировала на Арабскую весну в 2011 г. Запущенная Арабской весной глобальная дестабилизационная волна по-настоящему докатилась до Латинской Америки только в 2014 г. (хотя заметный рост этого показателя здесь начался уже в 2012 г.), когда последняя побила свой локальный исторический рекорд. Таким образом, по показателю общего числа антиправительственных демонстраций эхо Арабской весны докатилось до Латинской Америки не напрямую и со значительным опозданием, но имело при этом в высшей степени ощутимые последствия, и в дальнейший рост глобального числа крупных антиправительственных демонстраций Латинская Америка уже внесла весьма значительный вклад.

Очень близкая картина наблюдается для Латинской Америки и применительно к массовым беспорядкам (см. Рис. 44 и 45).

Рис. 44. Динамика общего числа массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в странах Латинской Америки и Арабском мире в 1920–2015 гг.

Рис. 45. Динамика общего числа массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в странах Латинской Америки и Арабском мире в 1995–2015 гг.

Применительно к зафиксированным в Латинской Америке крупным политическим забастовкам рост после 2010 г. также происходил с заметным запаздыванием относительно арабских стран, он был довольно значительным (особенно в 2015 г.), но (в отличие от демонстраций и беспорядков) никаких локальных исторических рекордов Латинская Америка здесь в 2011–2015 гг. не побила и на уровень максимумов бурных 1980-х и 1990-х гг. не вышла. Вместе с тем прослеживавшаяся здесь в 1990-е и 2000-е гг. выраженная тенденция к снижению в Латинской Америке забастовочной активности была явно переломлена.

Рис. 46. Динамика общего числа политических забастовок, зафиксированных базой данных CNTS в странах Латинской Америки и Арабском мире в 1920–2015 гг.

Рис. 47. Динамика общего числа политических забастовок, зафиксированных базой данных CNTS в странах Латинской Америки и Арабском мире в 1995–2015 гг.

И, как мы увидим ниже (см. Рис. 76 и Табл. 10), в побивание глобальным числом политических забастовок в 2015 г. исторического рекорда Латинская Америка внесла очень даже заметный вклад.

Вместе с тем в последовавший за Арабской весной взрывообразный рост глобального числа терактов/«партизанских действий» Латинская Америка не внесла абсолютно никакого вклада (см. Рис. 48 и 49).

Рис. 48. Динамика общего числа терактов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в странах Латинской Америки и Арабском мире в 1920–2015 гг.

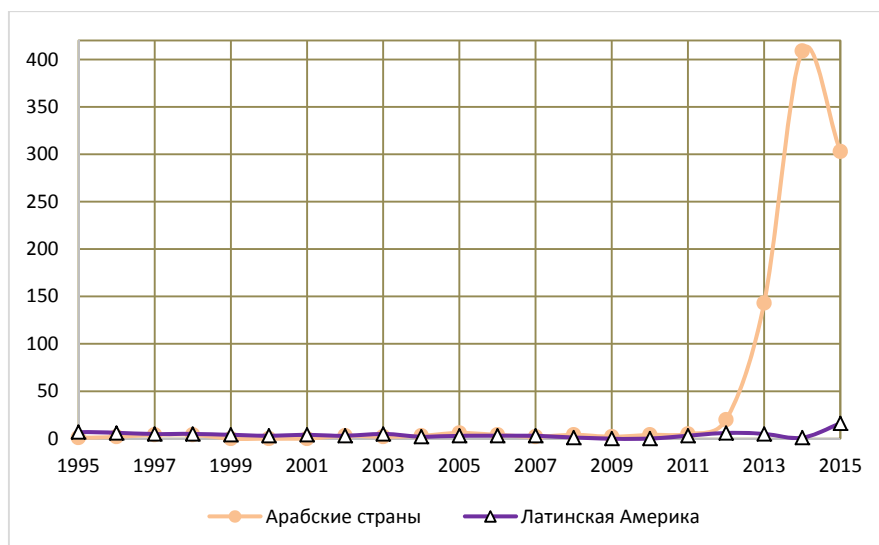

Рис. 49. Динамика общего числа терактов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в странах Латинской Америки и Арабском мире в 1995–2015 гг.

Рост общего числа антиправительственных демонстраций в Африке южнее Сахары в 2011–2015 гг. был не особо сильным по сравнению с большинством других мир-системных макрорзон, но по меркам самой этой макрзоны данный рост был очень заметным и локальный исторический рекорд по этому показателю Африка в 2014 г. все-таки побила (см. Рис. 50 и 51).

Рис. 50. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Африки южнее Сахары и Арабском мире в 1920–2015 гг.

Рис. 51. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Африки южнее Сахары и Арабском мире в 1995–2015 гг.

И в побитие глобальным числом антиправительственных демонстраций исторического рекорда в 2015 г. Африка южнее Сахары внесла пусть и относительно скромный, но все-таки не символический вклад (см. ниже Рис. 74 и Табл. 8).

Очень похожая картина в 2011–2015 гг. наблюдалась в Африке южнее Сахары и применительно к массовым беспорядкам; впрочем, рост их числа здесь в эти годы был заметно более выразительным (см. Рис. 52).

Рис. 52. Динамика общего числа крупных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в странах Африки южнее Сахары и Арабском мире в 1920–2015 гг.

И в побитие глобальным числом массовых беспорядков исторического рекорда в 2014 г. Африка южнее Сахары внесла заметно более весомый вклад (см. ниже Рис. 75 и Табл. 9).

А вот в бурный рост в 2011–2015 гг. глобального числа политических забастовок Африка южнее Сахары никакого заметного вклада не внесла (см. ниже Рис. 76 и Табл. 10).

Был, однако, один показатель социально-политической дестабилизации, во взрывообразный рост которого в 2011–2015 гг. Африка южнее Сахары внесла самый весомый вклад. Речь идет о террористических актах/«партизанских действиях» (см. Рис. 53–54).

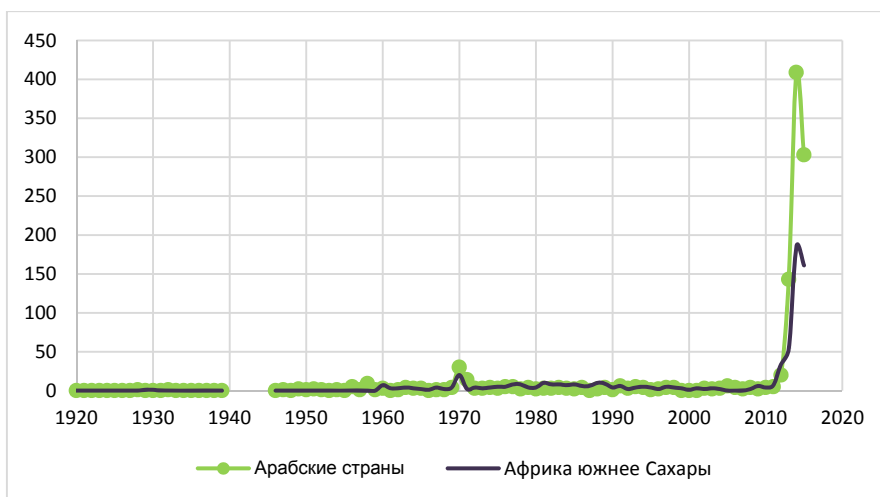

Рис. 53. Динамика общего числа крупных террористических актов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в странах Африки южнее Сахары и Арабском мире в 1920–2015 гг.

Рис. 54. Динамика общего числа крупных террористических актов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в странах Африки южнее Сахары и Арабском мире в 1995–2015 гг.

И, как мы увидим ниже (см. Рис. 77 и Табл. 11), в побитие глобальным числом терактов/«партизанских действий» в 2014 г. печально-го исторического рекорда Африка южнее Сахары внесла самый весомый вклад.

Важно подчеркнуть, что рост числа крупных терактов/«партизанских действий» в Африке южнее Сахары был достаточно тесно связан с некоторыми событиями Арабской весны и вполне может рассматриваться в качестве одного из проявлений ее глобального эха. Здесь стоит вспомнить, что в результате событий Арабской весны произошли падение или резкое ослабление некоторых достаточно эффективных арабских авторитарных режимов и в особенности развернувшиеся по трагическому сценарию события в Ливии, дальнейший фактический распад этого североафриканского государства, вызванный военно-политическим конфликтом. Многие военные склады после свержения М. Каддафи были разграблены, что открыло легкий доступ к ливийскому оружию членам вооруженных террористических, криминальных организаций; кроме того, произошло вытеснение из Ливии в страны Сахеля большого числа наемников – выходцев из этих стран, воевавших на стороне Каддафи. Все эти события имели прямое отношение, скажем, к восстанию под руководством Национального движения за освобождение Азавада (НДОА) в январе 2012 г. в Мали, которое приобрело радикальный характер и спровоцировало новый кризис в Сахаро-Сахельском регионе) (см., например: Vesnyo 2013; Danjibo 2013). Большое значение здесь имела и экспансия такого «нежеланного дитя Арабской весны» (Гринин, Исаев, Коротаев 2015), как радикальная исламистская группировка ИГИЛ в Ираке и Сирии на фоне затяжной гражданской войны, что позволило ей вести активную экспансию на Африканский континент, пополняя свои ряды вербовкой новых боевиков, в том числе иностранцев, и присягнувшими на верность ИГИЛ адептами из местных радикальных исламистских группировок (наиболее известной из которых является нигерийская «Боко Харам») (см., например: Zohar 2015).

Рассмотрим теперь эхо Арабской весны в странах Азии (без Ближнего и Среднего Востока, который анализируется нами отдельно).

Сначала обратим внимание на динамику общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Азии¹¹ (см. Рис. 55 и 56).

Рис. 55. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Азии¹¹ и Арабском мире в 1920–2015 гг.

Рис. 56. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Азии¹¹ и Арабском мире в 1995–2015 гг.

¹¹ Без Ближнего и Среднего Востока.

Наращение общего числа антиправительственных демонстраций в Азии шло с некоторым запаздыванием относительно Арабской весны, но в дальнейшем приняло очень значительные масштабы. Уже в 2012 г. Азия по этому показателю побила локальный исторический рекорд; в 2013–2014 гг. значение этого показателя здесь несколько снизилось, оставаясь тем не менее на аномально высоких для Азии уровнях, а в 2015 г. Азия поставила еще один локальный исторический рекорд, внося при этом и наибольший вклад в побитие в этом же году исторического мирового рекорда глобальным числом протестных демонстраций.

Ощутимый рост общего числа массовых беспорядков наблюдался в Азии еще в 2011 г. Особенно сильным он был в 2012 г., продолжившись в 2013–2014 гг. При этом в 2014 г. Азия по данному показателю почти поставила свой локальный исторический рекорд, лишь немного недотянув до исторического максимума 1967 г. (см. Рис. 57 и 58).

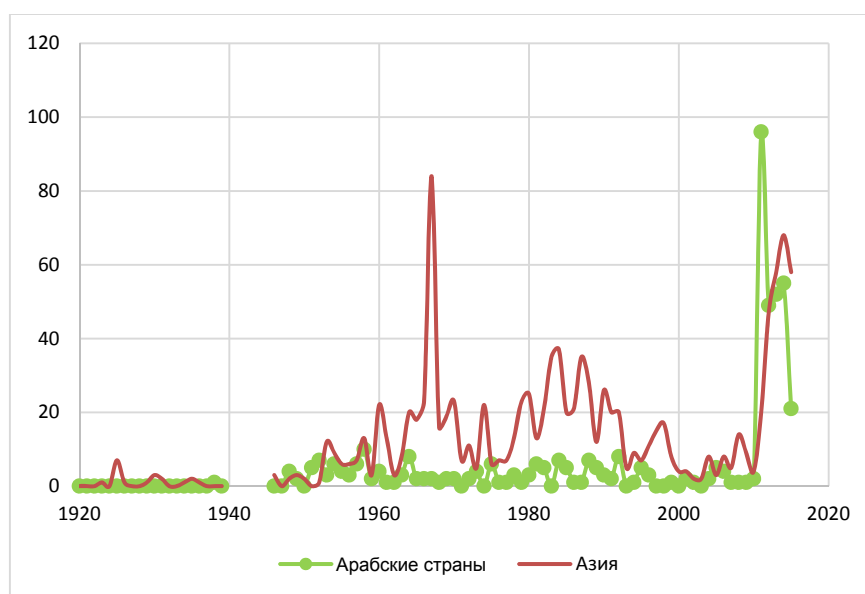

Рис. 57. Динамика общего числа крупных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в странах Азии и Арабском мире в 1920–2015 гг.

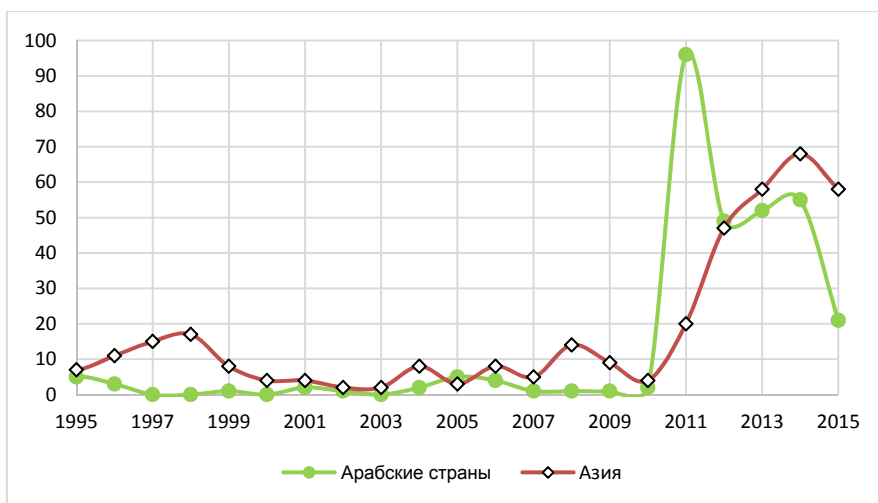

Рис. 58. Динамика общего числа крупных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в странах Азии и Арабском мире в 1995–2015 гг.

И в побитие в 2014 г. глобальным числом массовых беспорядков исторического мирового рекорда Азия внесла исключительно важный вклад (см. ниже Рис. 75 и Табл. 9).

Рост числа политических забастовок в Азии начался с запозданием на год, в 2012 г., и уже в этом году Азия поставила по этому показателю свой локальный исторический рекорд. Следующий рекорд был поставлен в 2013 г., а еще один – в 2015 г. (см. Рис. 59 и 60).

Рис. 59. Динамика общего числа крупных политических забастовок, зафиксированных базой данных CNTS в странах Азии и Арабском мире в 1920–2015 гг.

Рис. 60. Динамика общего числа крупных политических забастовок, зафиксированных базой данных CNTS в странах Азии и Арабском мире в 1995–2015 гг.

И в исторический рекорд 2015 г. по глобальному числу политических забастовок Азия внесла уже самый большой вклад (см. ниже Рис. 76 и Табл. 10).

После 2012 г. в Азии очень заметно (в пять раз) выросло и общее число терактов/«партизанских действий» (см. Рис. 61 и 62).

Рис. 61. Динамика общего числа крупных террористических актов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в странах Азии и Арабском мире в 1920–2015 гг.

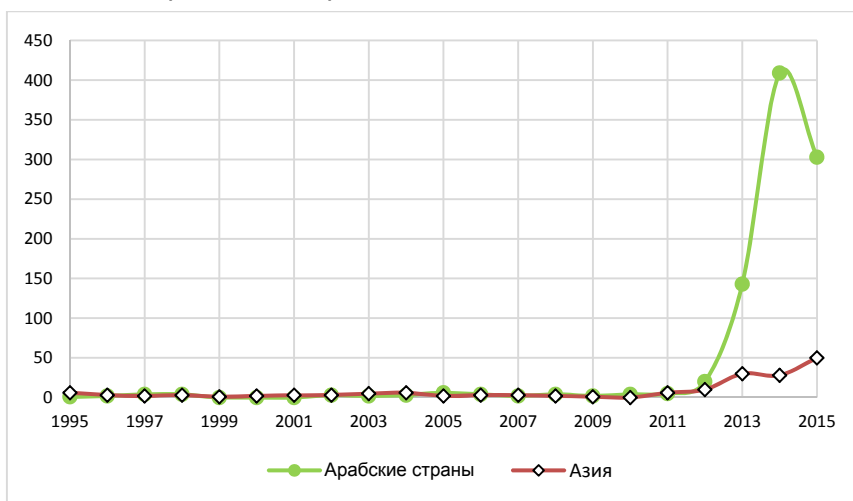

Рис. 62. Динамика общего числа крупных террористических актов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в странах Азии и Арабском мире в 1990–2015 гг.

Однако этот рост был многократно перекрыт поистине взрывообразным ростом этого показателя в арабских странах, Африке южнее Сахары и на Среднем Востоке; и в побитие глобальным числом терактов/«партизанских действий» трагического исторического рекорда 2014 г. Азия внесла достаточно незначительный (хотя и не вполне символический) вклад (см. ниже Рис. 77 и Табл. 11).

По количеству крупных антиправительственных демонстраций Средний Восток¹² внес в глобальную дестабилизационную волну 2010-х гг. очень небольшой вклад. Рост этого показателя в 2011 г., хоть и вполне заметный в региональном масштабе, был совершенно перекрыт его взрывообразным ростом в Арабском мире и странах Запада. Тем не менее в 2014–2015 гг. свои локальные исторические рекорды по этому показателю Средний Восток все-таки побил (см. Рис. 63 и 64).

Рис. 63. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Среднего Востока и Арабском мире в 1920–2015 гг.

¹² В качестве входящих в мир-системную зону «Средний Восток» нами здесь рассматриваются следующие страны: Иран, Афганистан, Пакистан, а также страны Центральной Азии, ранее входившие в Советский Союз.

Рис. 64. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Среднего Востока и Арабском мире в 1990–2015 гг.

И в побитие глобальным числом антиправительственных демонстраций исторического рекорда в 2015 г. Средний Восток внес пусть и не самый высокий, но отнюдь не символический вклад.

Роста общего числа массовых беспорядков на Среднем Востоке в 2011 г. не отмечалось, однако значительный рост этого показателя наблюдался в 2012–2014 гг. Впрочем, и в 2014 г. это число не превысило исторических максимумов (см. Рис. 65).

Рис. 65. Динамика общего числа крупных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в странах Среднего Востока и Арабском мире в 1920–2015 гг.

В побивание глобальным числом массовых беспорядков мирового исторического рекорда в 2014 г. вклад Среднего Востока был меньше, чем у всех остальных макрозон; но вклад этот все-таки не был полностью символическим (см. ниже Рис. 75 и Табл. 9).

А вот в наблюдавшийся в 2011–2015 гг. бурный рост глобального числа политических забастовок Средний Восток вообще никакого вклада не внес (см. ниже Рис. 76 и Табл. 10).

Однако есть показатель, по которому вклад Среднего Востока в глобальную волну социально-политической дестабилизации 2011-го и последующего годов был в высшей степени значительным. Речь идет о числе терактов/«партизанских действий» (см. Рис. 66).

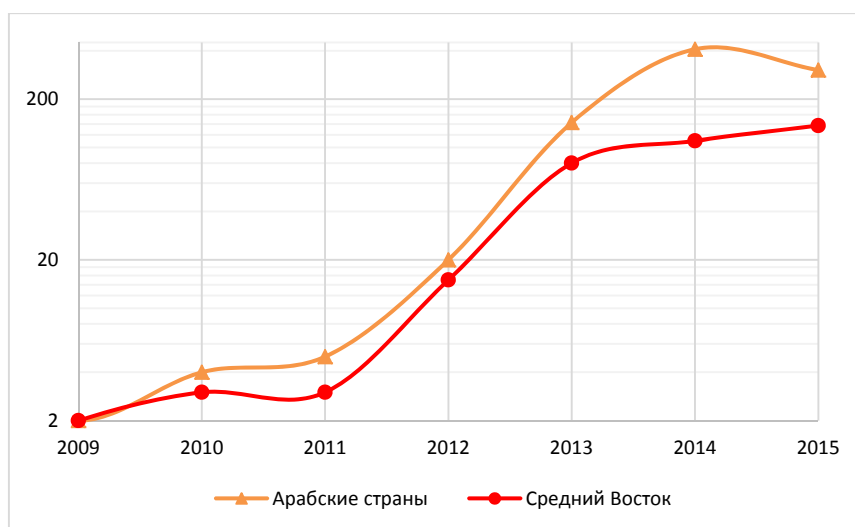

Рис. 66. Динамика общего числа крупных террористических актов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в странах Среднего Востока и Арабском мире в 2009–2015 гг., **логарифмический масштаб**

Как мы видим, общее число зафиксированных базой данных CNTS в странах Среднего Востока терактов/«партизанских действий» в 2010–2015 гг. выросло более чем в 45 раз, и в побитие глобальным числом терактов/«партизанских действий» в 2014 г. печального исторического рекорда Средний Восток внес очень весомый вклад (см. Рис. 77 и Табл. 11).

Подобно государствам Среднего Востока, страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза¹³ по количеству крупных антиправительственных демонстраций внесли в глобальную дестабилизационную волну 2010-х гг. относительно небольшой вклад. Рост этого показателя в 2011 г. хоть и был вполне заметным в региональном масштабе, был совершенно перекрыт его взрывообразным

¹³ В этот агрегат мы здесь включаем все постсоциалистические страны Европы и Закавказья (но не включаем постсоветские страны Центральной Азии, входящие в агрегат «Средний Восток»).

ростом в Арабском мире и странах Запада. Тем не менее в целом рост общего числа крупных антиправительственных демонстраций после 2010 г. в этой мир-системной макроне было по локальным меркам все-таки очень значительным (более чем в 12 раз!) (см. Рис. 67).

Рис. 67. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных базой данных CNTS в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза¹⁴ и Арабском мире в 1995–2015 гг.

И в побитие глобальным числом антиправительственных демонстраций исторического рекорда в 2015 г. страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза внесли пусть и не самый высокий, но отнюдь не символический вклад (см. ниже Рис. 74 и Табл. 8).

Сходная картина наблюдалась в рассматриваемой мир-системной макроне и применительно к массовым беспорядкам. Хотя

¹⁴ Без стран Центральной Азии, ранее входивших в Советский Союз.

рост их числа в 2011 г. и был глобально слабо заметен на фоне взрывообразного роста данного показателя в Арабском мире, странах Запада и Азии, он был очень значительным по локальным меркам. К тому же рост общего числа массовых беспорядков продолжился в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза достаточно быстрыми темпами – между 2012 и 2014 гг. этот показатель вырос почти в четыре раза, едва не побив исторический рекорд 2014 г. (см. Рис. 68 и 69).

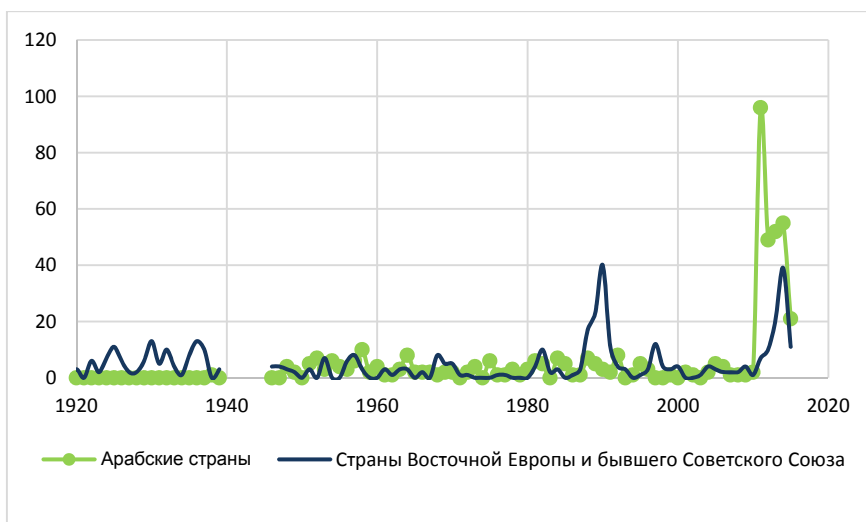

Рис. 68. Динамика общего числа крупных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза и Арабском мире в 1920–2015 гг.

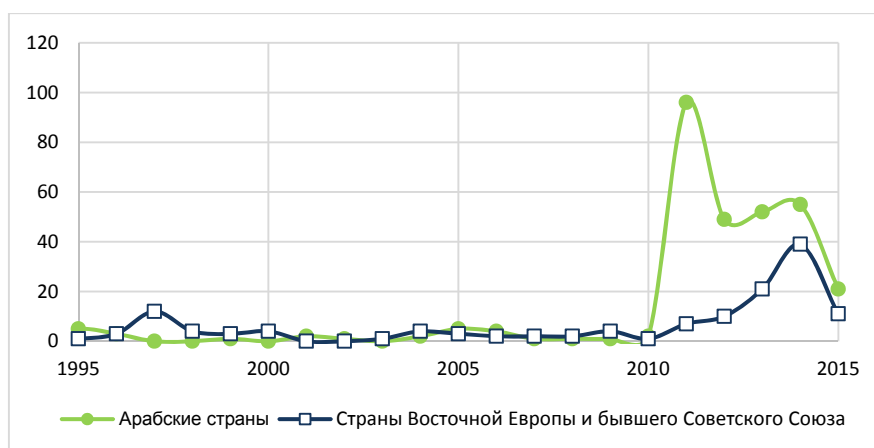

Рис. 69. Динамика общего числа крупных массовых беспорядков, зафиксированных базой данных CNTS в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза и Арабском мире в 1995–2015 гг.

И в побитие глобальным числом массовых беспорядков исторического рекорда в 2014 г. страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза внесли пусть и не самый высокий, но все-таки вполне заметный вклад (см. ниже Рис. 75 и Табл. 9).

В наблюдавшийся в 2011–2015 гг. бурный рост глобального числа политических забастовок рассматриваемая мир-системная зона вообще практически никакого вклада не внесла (см. ниже Рис. 76 и Табл. 10).

А вот применительно к печальному историческому рекорду 2014 г. по глобальному числу крупных терактов/«партизанских действий» страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза оказались единственной мир-системной зоной за пределами Афразийской макрзоны нестабильности¹⁵, которая внесла в него достаточно ощутимый вклад (см. Рис. 70).

¹⁵ Об этой макрзоне см. ниже.

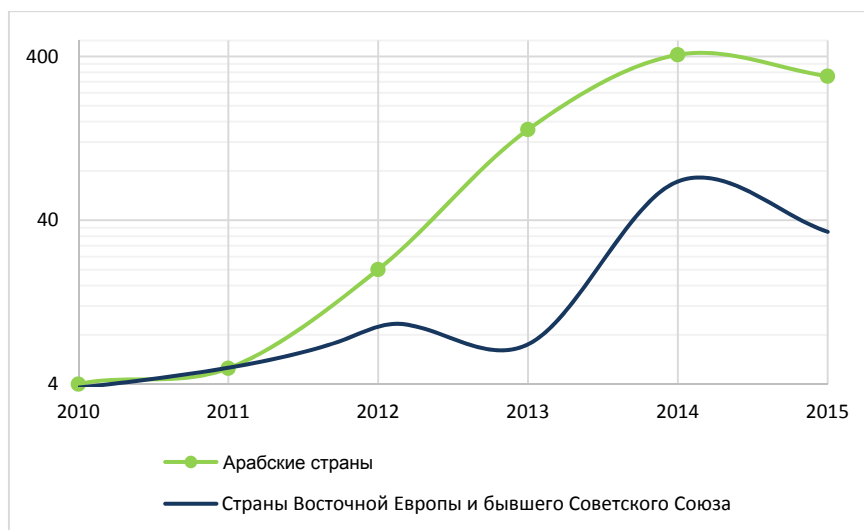

Рис. 70. Динамика общего числа крупных террористических актов/«партизанских действий», зафиксированных базой данных CNTS в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза и в Арабском мире в 2010–2015 гг., **логарифмический масштаб**

Связано это было, конечно, прежде всего с событиями 2014 г. на Украине, однако определенную роль здесь сыграл и новый подъем исламистского радикализма на Северном Кавказе (в тесной связи с вызванным Арабской весной его подъемом на Ближнем и Среднем Востоке).

Вместо заключения.

Вклад различных мир-системных зон в генезис вызванной Арабской весной глобальной дестабилизационной волны: сводный анализ

Рассмотрим теперь вклад различных мир-системных макрозон в генезис вызванной Арабской весной глобальной дестабилизационной волны. Для этого рассмотрим сначала, какие мир-системные зоны внесли основной вклад в побитие Мир-Системой в 2011 г. ре-

кордов по глобальному числу крупных антиправительственных демонстраций (см. Рис. 71).

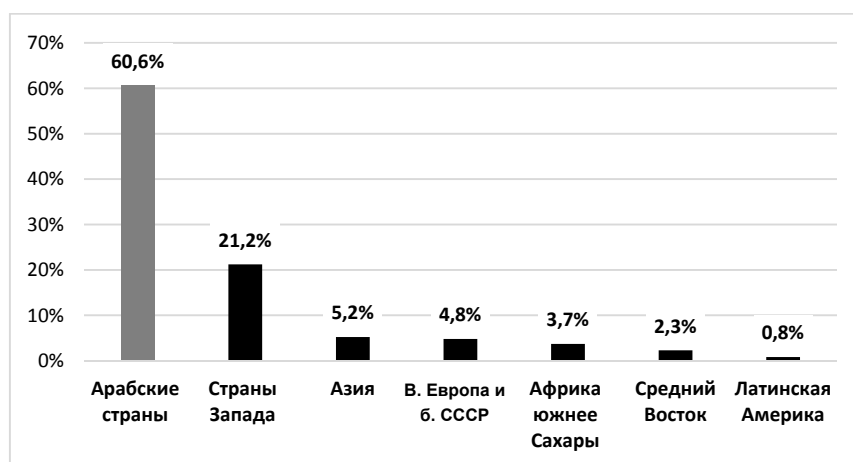

Рис. 71. Вклад различных макрозон Мир-Системы в глобальную дестабилизацию 2011 г. (антиправительственные демонстрации)¹⁶

Хорошо виден здесь решающий вклад арабских стран, однако нельзя не заметить и очень заметный вклад стран Запада. Довольно скромный (но не вполне символический – около 16 % в совокупности) вклад был внесен Азией, постсоциалистическими/постсоветскими странами, Африкой южнее Сахары и Средним Востоком. И наконец, практически нулевым был здесь вклад Латинской Америки.

Близкая ситуация наблюдалась и по показателю числа массовых беспорядков. Вместе с тем вклад стран Запада здесь был заметно ниже (хотя все равно очень высоким), а вклад Африки южнее Сахары и Азии заметно выше, чем мы могли это видеть применительно к антиправительственным демонстрациям (ср. Рис. 71 и 72).

¹⁶ Расчеты, на основании которых были подготовлены Рис. 71–76, представлены нами ниже в Приложении I (Табл. 5–11).

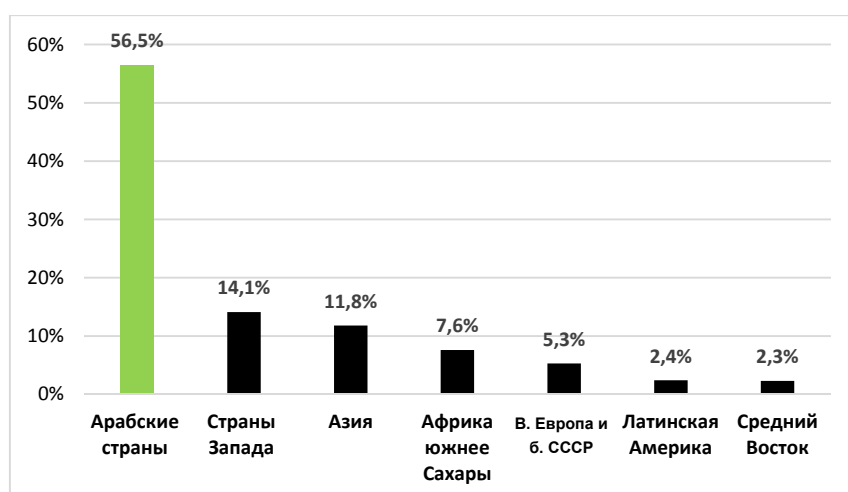

Рис. 72. Вклад различных макрозон Мир-Системы в глобальную дестабилизацию 2011 г. (массовые беспорядки)

А вот применительно к глобальному числу политических забастовок наибольший вклад в очень высокое значение этого показателя в 2011 г. был внесен странами Запада, хотя вклад арабских стран был тоже очень высок. Вклад остальных мир-системных зон (за некоторым исключением Азии) здесь был очень незначителен (см. Рис. 73).

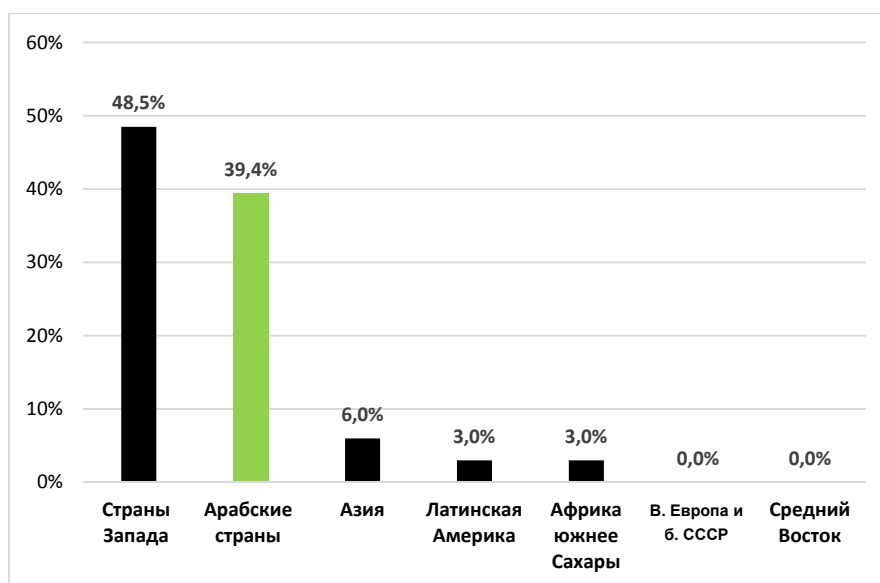

Рис. 73. Вклад различных макрозон Мир-Системы в глобальную дестабилизацию 2011 г. (политические забастовки)

В целом достаточно очевидно, что решающий вклад в зафиксированные в 2011 г. очень высокие значения таких важнейших глобальных показателей социально-политической дестабилизации, как глобальное число крупных антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков, внесли именно арабские страны; но при этом очень значительным был здесь и вклад стран Запада. Однако большинство других мир-системных зон (за примечательным исключением в виде Латинской Америки) внесло здесь не столь значительный, но все-таки и не вполне символический вклад (16 % для антиправительственных демонстраций и 27 % для массовых беспорядков). Применительно к политическим забастовкам вклад стран Запада в 2011 г. даже превзошел весьма значительный вклад арабских государств.

А вот в последовавший за 2011 г. дальнейший рост глобального числа антиправительственных демонстраций, массовых беспоряд-

ков и политических забастовок арабские страны уже практически никакого реального вклада не внесли. Роль мир-системного лидера здесь уже перешла от них к другим мир-системным зонам.

Так, в достижение глобальным числом крупных антиправительственных демонстраций в 2015 г. пикового (исторически рекордного) значения главный вклад внесли страны Запада и Азии¹⁷; стоит особо отметить весьма значительный вклад Латинской Америки¹⁸, особо выразительный по контрасту с практически нулевым ее вкладом в глобальную дестабилизацию 2011 г. (см. Рис. 74).

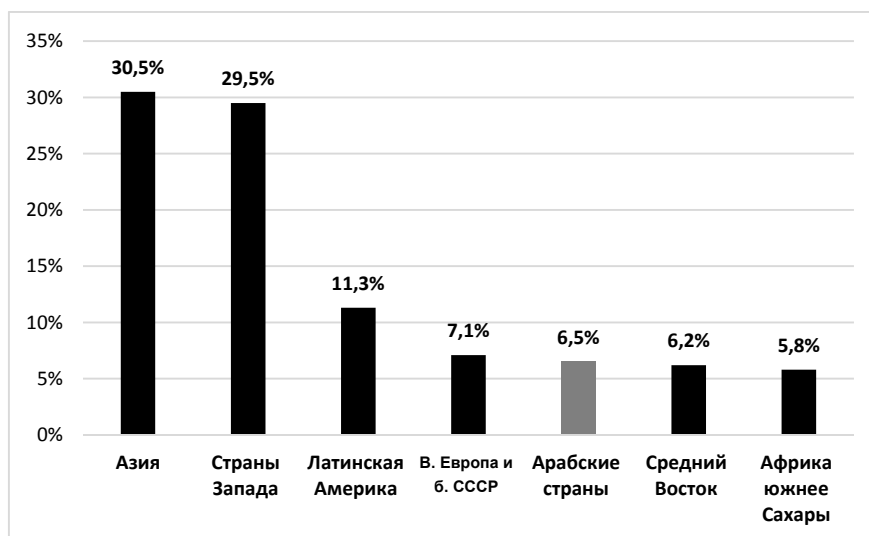

Рис. 74. Вклад различных мир-системных зон в достижение глобальным числом крупных антиправительственных демонстраций в 2015 г. пикового (исторически рекордного) значения

Однако очень высокое (в сравнении с периодом до 2011 г.) число крупных антиправительственных демонстраций было отмечено в 2015 г. и во всех остальных мир-системных зонах без исключения

¹⁷ Напомним, что в агрегат «страны Азии» не включены страны Ближнего и Среднего Востока, входящие в особые агрегаты.

¹⁸ И это несмотря на достаточно заметное (более чем на 35 %) уменьшение общего числа зафиксированных CNTS в Латинской Америке демонстраций в 2015 г. по сравнению с 2014 г.

(в совокупности на них пришлось более четверти всех зафиксированных в мире крупных антиправительственных демонстраций) и каждая из них внесла здесь пусть и не столь большой, как страны Азии, Запада и Латинской Америки, но все-таки достаточно заметный вклад.

Еще меньшее неравенство мир-системных зон наблюдается применительно к их вкладу в достижение пикового (исторически рекордного) значения глобальным числом массовых беспорядков в 2014 г. (см. Рис. 74).

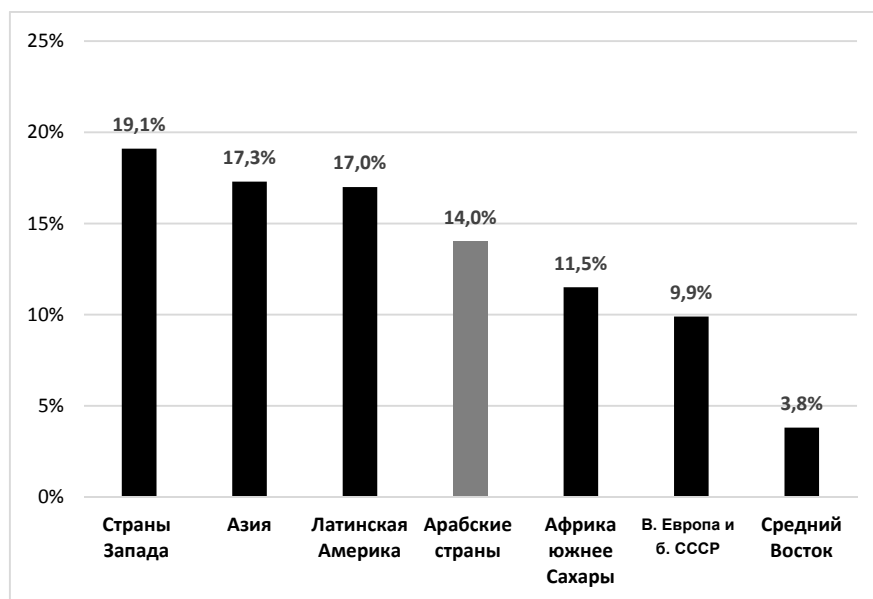

Рис. 75. Вклад различных мир-системных зон в достижение глобальным числом массовых беспорядков в 2014 г. пикового (исторически рекордного) значения

Главный вклад здесь внесли страны Запада, но Азия и Латинская Америка отстали от них совсем немного, а от них в свою очередь не столь уж сильно отстали арабские страны, Африка южнее Сахары, а также страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза.

А вот в побитие исторического рекорда по глобальному числу крупных политических забастовок в 2015 г. разные мир-системные зоны внесли в высшей степени неравномерный вклад (см. Рис. 76).

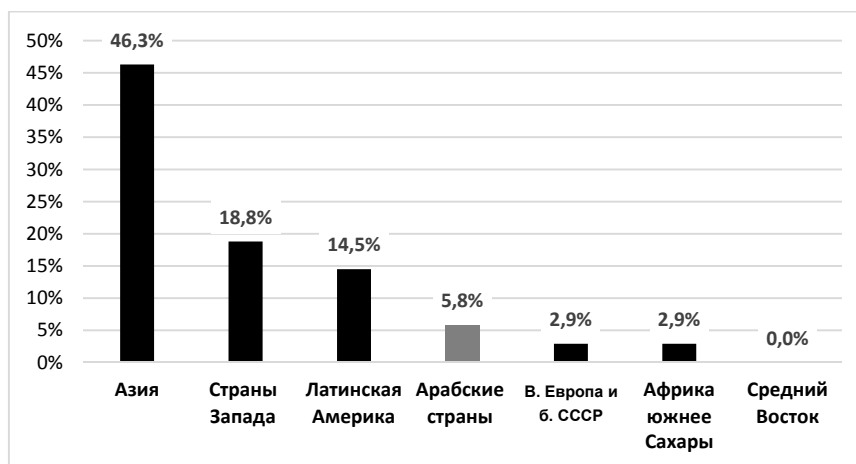

Рис. 76. Вклад различных макрозон Мир-Системы в достижение глобальным числом политических забастовок в 2015 г. пикового (исторически рекордного) значения

Как мы видим, основной вклад здесь внесли страны Азии, за ним с заметным отрывом следуют Запад и Латинская Америка (внесшие не столь большой, как Азия, но все-таки очень заметный вклад). Вклад остальных мир-системных зон (за некоторым исключением Арабского мира) был крайне скромным или нулевым.

Итак, в отношении таких важнейших показателей глобальной социально-политической дестабилизации, как общее число зафиксированных в мире демонстраций, беспорядков и забастовок мы имеем дело с очень разным вкладом различных мир-системных зон во всемирную дестабилизационную волну 2011 г. и последующих лет. В 2011 г. арабские страны внесли главный вклад в рост зафиксированного в мире числа демонстраций и беспорядков и очень важную лепту – в рост глобального числа политических забастовок. Кроме этого, важный вклад в рост зафиксированного на нашей планете числа демонстраций и массовых беспорядков внесли страны Запада,

а применительно к политическим забастовкам вклад стран Запада даже превысил вклад арабских стран. Остальные мир-системные зоны внесли в глобальную дестабилизацию 2011 г. очень скромную (или даже нулевую) лепту (хотя все-таки можно отметить достаточно заметный вклад стран Азии и Африки южнее Сахары в рост в 2011 г. общемирового числа массовых беспорядков). Однако в дальнейшем рост глобального числа демонстраций, беспорядков и забастовок арабские страны уже практически никакого вклада не внесли. На роль новых «мир-системных лидеров» здесь скорее выдвинулись страны Запада, Азии и Латинской Америки. Страны Запада внесли наибольшую лепту в достижение глобальным числом массовых беспорядков в 2014 г. пикового (исторически рекордного) значения (при этом далее с небольшим отрывом следовала Азия), а последняя внесла наибольший вклад в рекордные мировые показатели 2015 г. по глобальному числу демонстраций и политических забастовок – при том что далее в обоих случаях шел Запад, а третий по величине вклад во всех трех случаях внесла Латинская Америка (и это притом что в 2011 г. она оказалась затронута всемирной дестабилизационной волной в наименьшей степени).

Совсем другую картину мы наблюдаем применительно к произошедшему после 2011 г. взрывообразному росту числа зафиксированных системой CNTS крупных терактов/«партизанских действий» (см. Рис. 77).

Несложно видеть, что здесь мы имеем дело с существенно иной картиной. Если главный вклад в выход в 2014–2015 гг. на исторически рекордные уровни глобального числа демонстраций, беспорядков и забастовок внесли страны Запада, Азии и Латинской Америки, а доля стран Арабского мира, Африки южнее Сахары и Среднего Востока была здесь в высшей степени скромной, то в выход на исторически рекордные уровни в 2014 г. глобального числа крупных терактов/«партизанских действий» главный вклад внесли как раз страны Арабского мира, Африки южнее Сахары и Среднего Востока.

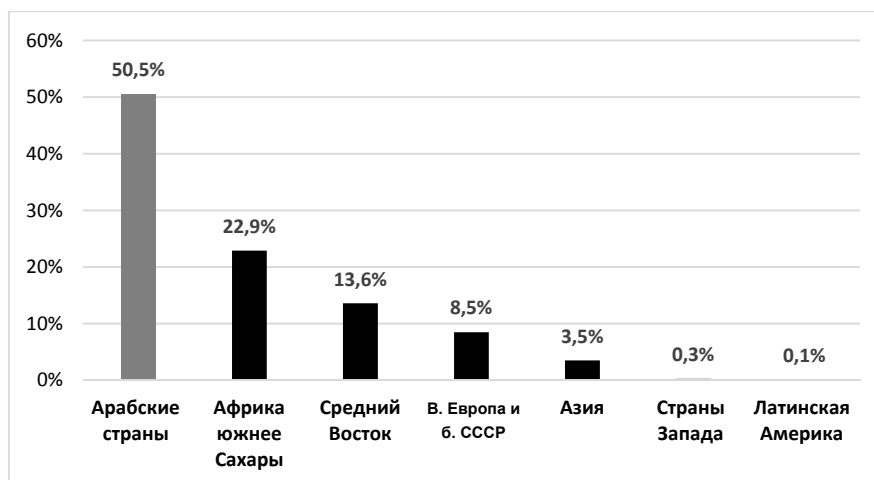

Рис. 77. Вклад различных макрозон Мир-Системы в достижение глобальным числом террористических актов/«партизанских действий» в 2014 г. пикового (исторически рекордного) значения

Таким образом, здесь прослеживается примечательная закономерность – те мир-системные зоны, которые внесли в 2014 г. минимальный вклад в пиковое (исторически рекордное) глобальное количество терактов/«партизанских действий», внесли максимальный вклад в зафиксированные в 2014–2015 гг. исторически рекордные значения глобального числа протестных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок. Речь идет о странах Латинской Америки, Азии (без Ближнего и Среднего Востока) и Запада¹⁹. И наоборот – те мир-системные зоны, которые внесли в 2014 г. максимальный вклад в исторически рекордное глобальное количество терактов/«партизанских действий», внесли очень скромный вклад в зафиксированные в 2014–2015 гг. исторически рекордные значения глобального числа протестных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок.

¹⁹ Впрочем, как мы видим, начиная с конца 2015 г. волна террористических актов стала подниматься и на Западе. Вспомним, что и в Арабском мире волна террористических актов поднялась с заметным запаздыванием относительно волны демонстраций, беспорядков и забастовок.

Речь идет об арабских странах, Среднем Востоке и Африке южнее Сахары. При этом необходимо отметить, что, как мы могли видеть выше, наибольший рост террористической активности/«партизанских действий» наблюдался в Африке южнее Сахары в зоне Сахеля и примыкающих к ней районах. Нетрудно видеть, что все три вышеназванные зоны (Средний Восток, арабские страны [то есть Западная Азия и Северная Африка] и Сахель с примыкающими к нему районами) образуют единую непрерывную макрозону, названную нами ранее²⁰ Афразийской макрозоной нестабильности (см. Рис. 78).

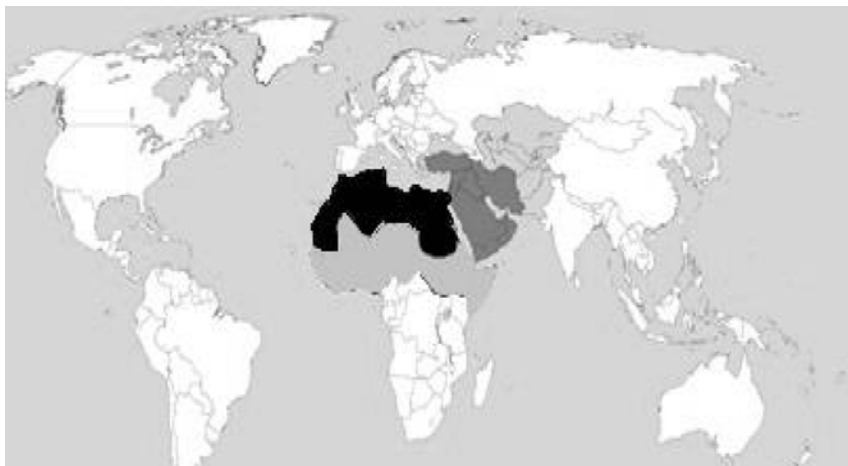

Рис. 78. Афразийская макрозона нестабильности

Источник: Коротаев, Исаев, Руденко 2015: 90, Рис. 1.

Именно эта макрозона и внесла подавляющий вклад (почти 90 %) во взрывообразный рост после 2010 г. глобального числа крупных терактов/«партизанских действий».

* * *

Итак, запущенная Арабской весной глобальная волна социально-политической дестабилизации привела в 2011–2015 гг. к весьма значительному росту социально-политической нестабильности аб-

²⁰ См.: Коротаев, Исаев 2014; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Коротаев, Исаев, Шишкина 2016; Гринин и др. 2014; Korotayev *et al.* 2016.

солютно во всех мир-системных зонах. Однако проявилась эта глобальная дестабилизационная волна в разных мир-системных зонах по-разному и не вполне синхронно. В 2011 г. особенно мощный рост числа демонстраций, беспорядков и забастовок наблюдался в Арабском мире и странах Запада (хотя многократный рост числа демонстраций наблюдался также в Африке южнее Сахары, на Среднем Востоке и в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза, а многократный рост числа массовых беспорядков – в Африке южнее Сахары, в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза и в государствах Азии, но он был не таким мощным, как в Арабском мире и странах Запада). После 2011 г. число демонстраций, беспорядков и забастовок в Арабском мире весьма значительно уменьшилось²¹, однако на этом фоне в Арабском мире (и смежных с ним областях Тропической Африки и Среднего Востока) в 2012–2014 гг. наблюдался взрывообразный рост числа крупных терактов/«партизанских действий» (метастазы которого стали постепенно проникать и в некоторые другие мир-системные зоны). При этом в 2012–2015 гг. на фоне очень заметного уменьшения числа демонстраций, беспорядков и забастовок в Арабском мире наблюдался значительный рост их числа в странах Запада, в Латинской Америке (практически не затронутой глобальной дестабилизационной волной в 2011 г.), в Африке южнее Сахары, в странах Азии, на Среднем Востоке, а также в государствах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Этот рост с лихвой компенсировал снижение количества демонстраций, беспорядков и забастовок в Арабском мире, и в 2014–2015 гг. глобальное число демонстраций, беспорядков и забастовок значительно превзошло до того времени рекордные уровни 2011 г. Как мы помним, главный вклад в выход Мир-Системы на эти рекордные уровни в 2014–2015 гг. внесли страны Запада, Азии и Латинской Америки; однако общее количество крупных антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков, зафиксированное во всех мир-системных зонах без исключения, значительно превышало уровни, наблюдавшиеся там в годы, предшествовавшие началу Арабской весны...

²¹ Хотя и в 2014–2015 гг. их число многократно превышало уровни, наблюдавшиеся в Арабском мире до 2011 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Вклад различных макрозон Мир-Системы в глобальную дестабилизацию 2011 г. и в достижение глобальными индексами социально-политической дестабилизации исторически рекордных значений в 2014–2015 гг. Сводные таблицы

Табл. 5. Вклад различных макрозон Мир-Системы в глобальную дестабилизацию 2011 г. (антиправительственные демонстрации)

Мир-системные макрозоны	Число демонстраций в 2011 г.	% от глобального числа демонстраций
Арабские страны	292	60,6
Страны Запада	102	21,2
Латинская Америка	4	0,8
Страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза	23	4,8
Средний Восток	11	2,3
Африка южнее Сахары	18	3,7
Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия	25	5,2
Прочие страны	7	1,5
Мир в целом	482	100

Табл. 6. Вклад различных макрозон Мир-Системы в глобальную дестабилизацию 2011 г. (массовые беспорядки)

Мир-системные макрозоны	Число массовых беспорядков в 2011 г.	% от глобального числа массовых беспорядков
1	2	3
Арабские страны	96	56,5
Страны Запада	24	14,1

Окончание Табл. 6

1	2	3
Латинская Америка	4	2,4
Страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза	7	5,3
Средний Восток	5	2,3
Африка южнее Сахары	13	7,6
Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия	20	11,8
Прочие страны	1	0,6
В целом по Мир-Системе	170	100

Табл. 7. Вклад различных макрозон Мир-Системы в глобальную дестабилизацию 2011 г. (политические забастовки)

Мир-системные макрозоны	Число политических забастовок в 2011 г.	% от глобального числа политических забастовок
Арабские страны	13	39,4
Страны Запада	16	48,5
Латинская Америка	1	3
Страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза	0	0
Средний Восток	0	0
Африка южнее Сахары	1	3
Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия	2	6
Прочие страны мира	0	0
В целом по Мир-Системе	33	100

Табл. 8. Вклад различных макрзон Мир-Системы в достижение глобальным числом крупных антиправительственных демонстраций в 2015 г. пикового (исторически рекордного) значения

Мир-системные макрзоны	Число демонстраций	% от глобального числа демонстраций
Арабские страны	40	6,5
Страны Запада	182	29,5
Латинская Америка	70	11,3
Страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза	44	7,1
Средний Восток	38	6,2
Африка южнее Сахары	36	5,8
Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия	188	30,5
Прочие страны мира	19	3,1
В целом по Мир-Системе	617	100

Табл. 9. Вклад различных макрзон Мир-Системы в достижение глобальным числом массовых беспорядков в 2014 г. пикового (исторически рекордного) значения

Мир-системные макрзоны	Число массовых беспорядков	% от глобального числа массовых беспорядков
Арабские страны	55	14,0
Страны Запада	75	19,1
Латинская Америка	67	17,0
Страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза	39	9,9
Средний Восток	15	3,8
Африка южнее Сахары	45	11,5
Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия	68	17,3
Прочие страны мира	29	7,3
В целом по Мир-Системе	393	100

Табл. 10. Вклад различных макрзон Мир-Системы в достижение глобальным числом политических забастовок в 2015 г. пикового (исторически рекордного) значения

Мир-системные макрзоны	Число политических забастовок в 2015 г.	% от глобального числа политических забастовок
Арабские страны	4	5,8
Страны Запада	13	18,8
Латинская Америка	10	14,5
Страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза	2	2,9
Средний Восток	0	0
Африка южнее Сахары	2	2,9
Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия	32	46,3
Прочие страны	6	8,7
Мир в целом	69	100

Табл. 11. Вклад различных макрзон Мир-Системы в достижение глобальным числом террористических актов/«партизанских действий» в 2014 г. пикового (исторически рекордного) значения

Мир-системные макрзоны	Число террористических актов/«партизанских действий» в 2014 г.	% от глобального числа террористических актов/«партизанских действий»
Арабские страны	409	50,5
Страны Запада	2	0,25
Латинская Америка	1	0,1
Страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза	69	8,5
Средний Восток	110	13,6
Африка южнее Сахары	185	22,9
Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия	28	3,5
Прочие страны	5	0,7
Мир в целом	809	100

Приложение 2. Описание и методология Cross National Time Series (CNTS)

База данных *The Cross National Time Series (CNTS)* является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банксом [Banks, Wilson 2015; Wilson 2017] в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Yearbook*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержится около 200 переменных для более чем 200 стран, она содержит годовые значения переменных начиная с 1815 г. В базе данных исключены периоды двух мировых войн 1914–1918 и 1939–1945 гг.

CNTS структурирована по разделам и содержит статистические данные по территории и населению страны, информацию по использованию технологий, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии, промышленной статистике, военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т. п.

В данной работе мы подробно рассматриваем раздел данных, описывающих внутренние конфликты (раздел *domestic*), которые основаны на анализе событий по 8 различным подкатегориям:

1. Политические убийства (*Assassinations, domestic1*).
2. Политические забастовки (*General Strikes, domestic2*).
3. Партизанские действия (*Guerrilla Warfare, domestic3*).
4. Правительственные кризисы (*Government Crises, domestic4*).
5. Политические репрессии (*Purges, domestic5*).
6. Массовые беспорядки (*Riots, domestic6*).
7. Революции²² (*Revolutions, domestic7*).
8. Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations, domestic8*).

В этом разделе представлены данные начиная с 1919 г.

К «Политическим убийствам» (*Assassinations, domestic1*) относятся любые политически мотивированные убийства или покуше-

²² В реальности, как мы уже упоминали выше, речь здесь скорее идет о переворотах и попытках переворотов.

ния на убийства высших правительственных чиновников или политиков.

К «Политическим забастовкам» (*General Strikes, domestic2*) относятся забастовки, в которых участвовало 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, при этом они выдвигали требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти.

К «Партизанским действиям» (*Guerrilla Warfare, domestic3*) относятся любая вооруженная деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами, направленные на свержение или подрыв существующего режима.

К «Правительственным кризисам» (*Government Crises, domestic4*) относятся любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима – за исключением вооруженных переворотов, напрямую направленных на это.

К «Политическим репрессиям» (*Purges, domestic5*) относится любое систематическое устранение оппозиционных деятелей (путем лишения свободы или казней) среди действующих членов режима или оппозиционных группировок.

К «Массовым беспорядкам» (*Riots, domestic6*) относятся любые выступления или столкновения, связанные с применением насилия, в которых принимали участие более 100 граждан.

К «Революциям» (*Revolutions, domestic7*) относятся любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений, любые перевороты или попытки переворотов. Переменная «Революции» также учитывает все удачные и неудачные вооруженные восстания, целью которых является получение независимости от центрального правительства. Отметим, что название этой переменной («Революции») в значительной степени вводит пользователя в заблуждение, так как в реальности здесь в большинстве случаев речь идет не о революциях в обычном понимании (нашу сводку определений революции см., например, в: Гринин, Исаев, Коротаев 2015), а скорее о переворотах и попытках переворотов. Именно таким образом мы и будем обозначать данную переменную.

К «Антиправительственным демонстрациям» (*Anti-Government Demonstrations, domestic8*) относятся любые мирные публичные собрания, в которых принимает участие 100 человек и более, а в качестве основной цели проведения выступает выражение несогласия с политикой правительства или власти за исключением демонстраций с выраженной направленностью против иностранных государств.

Все перечисленные 8 подкатегорий используются при построении общего индекса социально-политической дестабилизации (*domestic9*). Для этого составители базы данных *CNTS* присвоили каждой подкатегории определенный вес (см. Табл. 12).

Табл. 12. Веса подкатегорий, используемых при построении индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*

Подкатегория	Название переменной	Вес в индексе социально-политической дестабилизации (<i>domestic9</i>)
Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	domestic1	25
Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	domestic2	20
Партизанские действия (<i>Guerrilla Warfare</i>)	domestic3	100
Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	domestic4	20
Политические репрессии (<i>Purges</i>)	domestic5	20
Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	domestic6	25
Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	domestic7	150
Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	domestic8	10

Индекс социально-политической дестабилизации (*Weighted Conflict Measure*, domestic9) рассчитывается как сумма произведений численных значений подкатегорий и соответствующих им весов, умножается на 100 и делится на 8 (см. формулу).

$$\text{domestic9} = \frac{25 \text{ domestic1} + 20 \text{ domestic2} + 100 \text{ domestic3} + 20 \text{ domestic4} + 20 \text{ domestic5} + 25 \text{ domestic6} + 150 \text{ domestic7} + 10 \text{ domestic8}}{8} \cdot 100.$$

Библиография

- Вайс М., Хасан Х. 2016.** *Исламское государство: армия террора*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Васильев А. М. 2011.** Цунами революций. *Азия и Африка сегодня* 3: 2–18.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2014.** Риски дестабилизации в контексте нарастающей неопределенности в «афразийской» зоне. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 5: 4–10.
- Исаев Л. М. 2015.** «Исламское государство»: очередная версия. *Неприкосновенный запас* 1: 250–260.
- Исаев Л. М. 2016а.** Бесконечная война, или снова о Йемене. *Неприкосновенный запас* 6: 238–248.
- Исаев Л. М. 2016б.** Ливийская мозаика: как справиться со вторым ИГИЛ? *Московский центр Карнеги*. 17 августа. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64334>.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015.** Йемен: неизвестная революция и международный конфликт. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 71–81.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2014.** Соблазненные революцией. *Полития* 2: 21–33.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Зинькина Ю. В., Васькин И. А., Билюга С. Э., Слинко Е. В., Мещерина К. В. 2016.** *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Учитель (в печати).
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16; 7(648): 15–21.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012.** Структурно-демографические факторы «Арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–40.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8: 119–127.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 5: 180–207.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток* 2: 88–99.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2016.** Афразийская зона нестабильности и анализ глобальных дестабилизационных рисков в свете теории длинных волн. *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Р. С. Гринберг. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 291–305.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012.** К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток *versus* Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 337–386.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ

- Арабской весны. *Арабская весна 2011 г. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–76.
- Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. 2016.** Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? *Полис. Политические исследования* 3: 108–122.
- Мещерина К. В. 2016.** Хаос в Ливии и нарастание геополитического кризиса. *Арабский кризис. Угрозы большой войны* / Ред. А. Васильев. М.: URSS. С. 48–62.
- Рогожина Н. Г. 2016.** «Исламское государство» – угроза безопасности стран Юго-Восточной Азии. *Мировая экономика и международные отношения* 60(2): 5–14.
- Серебров С. 2015.** Революция и конфликт в Йемене. *Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка* / Ред. В. Наумкин, Д. Малышева. М.: ИВ РАН. С. 277–334.
- Турьинская Х. М. 2015.** Ливия. Возможен ли возврат к федерализму? *Азия и Африка сегодня* 8: 18–23.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012.** Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: URSS. С. 463–507.
- Шлыков П. В. 2016а.** Почему любой исход переворота был проигрышем для Турции. *Московский центр Карнеги*. 18 августа. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64098>.
- Шлыков П. В. 2016б.** Неделя после путча. Какой стала новая Турция? *Московский центр Карнеги*. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64157>.
- Aaronson S. A. 2016.** Repression, Civil Conflict, and Leadership Tenure: A Case Study of Argentina. Institute for International Economic Policy. URL: <https://www2.gwu.edu/~iiep/assets/docs/papers/2016WP/AaronsonII EPWP2016-21.pdf>.
- Акаев А., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2017.** Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? *Technological Forecasting and Social Change* 116: 316–321.

- Austin Holmes A. 2012.** “There Are Weeks When Decades Happen: Structure and Strategy in the Egyptian Revolution”. *Mobilization: An International Quarterly* 17(4): 391–410.
- Avriel G. 2016.** Terrorism 2.0: The Rise of the Civilitary Battlefield. *Harvard National Security Journal* 7: 199–239.
- Babatunde A. A., Norafidah I., Tapiwa Z. K. 2016.** Niger Delta Avengers and Niger Delta Question: What Way Forward? *International Journal of Advanced Research in Management and Social Sciences* 5(9): 1–20.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2016.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Databanks International. Jerusalem, Israel. URL: <http://www.databanksinternational.com>.
- Beck C. 2014.** Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. *Theory & Society* 2(43): 197–223.
- Beissinger M. R., Jamal A. A., Mazur K. 2015.** Explaining Divergent Revolutionary Coalitions. Regime Strategies and the Structuring of Participation in the Tunisian and Egyptian Revolutions. *Comparative Politics* 48(1): 1–24.
- Beittel J. S., Sullivan M. P. 2016.** Latin America: Terrorism Issues. CRS Report (Congressional Research Service). URL: <https://fas.org/sgp/crs/terror/RS21049.pdf>.
- Besenyó J. 2013.** War at the Background of Europe: The Crisis of Mali. BESENYÓ J. War at the Background of Europe: The Crisis of Mali. *AARMS: Academic & Applied Research in Military Science* 12(2): 247–271.
- Breau S. 2014.** The Occupy Movement and the Top 1 % in Canada. *Antipode* 46(1): 13–33.
- Brynen R., Moore P., Salloukh B., Zahar M. 2012.** *Beyond the Arab Spring: Authoritarianism & Democratization in the Arab World*. Vol. 4. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
- Center for Systemic Peace 2016.** *Coup D'état Events, 1946–2015*. Vienna, VA: Center for Systemic Peace. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/CSPCoupsAnnualv2015.xls>.
- Charnock G., Purcell T., Ribera-Fumaz R. 2012.** ¡Indígnate!: The 2011 Popular Protests and the Limits to Democracy in Spain. *Capital & Class* 36(1): 3–11.
- CNTS 2016.** Cross-National Time Series Data Archive Coverage. Databank International. URL: <http://www.databanksinternational.com>.
- Cordesman A. 2016.** The Uncertain Trends and Metrics of Terrorism in 2016. *SCIS. Center for Strategic and International Studies*. URL: <http://espas>.

- eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/161107_Terrorism_Metrics_Survey.pdf.
- Danjibo N. 2013.** The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa. *Strategic Review for Southern Africa* 35(2): 16–34.
- D’Souza S. M. 2017.** Countering Insurgencies, Terrorism and Violent Extremism in South Asia. *Small Wars & Insurgencies* 28(1): 1–11.
- Dumitrascu A. 2016.** El radicalismo islámico en América Latina. De Hezbolá al Daesh. IEEE Opinion. *Instituto Español de Estudios Estratégicos*. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_opinion/2016/DIEEEO121-2016_Islam_A.Dumitrascu.pdf.
- Dzinesa G. A., Motsamai D. 2013.** Renamo’s War Talk and Mozambique’s Peace Prospects. *ISS Policy Brief* 50: 1–4.
- Erde J. 2014.** Constructing Archives of the Occupy Movement. *Archives and Records* 35(2): 77–92.
- Erdogan A. 2013.** From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations* 12(3): 17–31.
- Fadaee S., Schindler S. 2014.** The Occupy Movement and the Politics of Vulnerability. *Globalizations* 11(6): 777–791.
- Fukuyama F. 2013.** “The Middle-Class Revolution”. *Wall Street Journal*, June 28. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323873904578571472700348086>.
- Goldstone J. 2011.** Understanding the Revolutions of 2011. *Foreign Affairs* 3(90): 8–16.
- Goldstone J. 2014a.** Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites Them? *Russia Direct* February 21. URL: <http://www.russia-direct.org/analysis/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.
- Goldstone J. 2014b.** *Revolutions: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Greene R., Kuswa K. 2012.** From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power. *Rhetoric Society Quarterly* 42(3): 271–288.
- Grinin L. 2013.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 2(12): 35–76.
- Grinin L., Korotayev A. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 8(67): 531–563.

- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean The Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 7(68): 471–505.
- Gunaratna R. 2016.** Ivory Coast Attack: Africa’s Terror Footprint Expands. *Counter Terrorist Trends and Analysis* 8(6): 14–17.
- Gunter M. 2013.** The Kurdish Spring. *Third World Quarterly* 34(3): 441–457.
- Hegghammer T. 2016.** The Future of Jihadism in Europe: A Pessimistic View. *Perspectives on Terrorism* 10(6): 156–170.
- Hoesterey J. 2013.** Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy. *Review of Middle East Studies* 47(1): 56–62.
- Howard P. N., Hussain M. M. 2013.** Democracy’s Fourth Wave?: Digital Media and the Arab Spring. New York, NY: Oxford University Press.
- IEP 2016.** Terrorism in OECD Countries. The Institute for Economics and Peace (IEP). URL: <https://cdn.tspace.gov.au/uploads/sites/98/2016/10/ARPC-IEP-Terrorism-in-OECD-countries-FINAL.pdf>.
- Iranzo A., Farné A. 2013.** Occupy Movements in the Media. *Peace Review* 25(3): 384–391.
- Jalalzai M. K. 2015.** *The Prospect of Nuclear Jihad in Pakistan: The Armed Forces, Islamic State, and the Threat of Chemical and Biological Terrorism*. New York: Algora Publishing.
- Jensen M., Bang H. 2013.** Occupy Wall Street: A New Political Form of Movement and Community? *Journal of Information Technology & Politics* 10(4): 444–461.
- Kerton S. 2012.** Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy. *Social Movement Studies* 11(3–4): 302–308.
- Khosrokhavar F. 2016.** *New Arab Revolutions That Shook the World*. London: Routledge.
- Krastev I. 2014.** From Politics to Protests. *Journal of Democracy* 25(4): 5–19.
- Koos C., Gutschke T. 2014.** South Sudan Newest War: When Two Old Men Divide a Nation. *Giga Focus* 2.
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring Events. *Central European Journal of International and Security Studies* 4(7): 28–58.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. V. 2015.** Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: a Cross-Cultural Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.

- Korotayev A., Issaev L., Rudenko M., Shishkina A., Ivanov E. 2016.** Afra-sian Instability Zone and Its Historical Background. *Social Evolution and History* 15(2): 120–140.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. 2014.** The Arab Spring. A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 2(36): 149–169.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. 2016.** Egyptian Coup of 2013: An ‘Economic’ Analysis. *The Journal of North African Studies* 3(21): 341–356.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.
- Kumar A. 2016.** *Multi-party Democracy in the Maldives and the Emerging Security Environment in the Indian Ocean Region*. New Delhi: Pentagon Press.
- Lang J., De Sterck H. 2014.** The Arab Spring: A Simple Compartmental Model for the Dynamics of a Revolution. *Mathematical Social Sciences* 69: 12–21.
- Lee C. K., Zhang Y. 2013.** The Power of Instability: Unraveling the Micro-foundations of Bargained Authoritarianism in China. *American Journal of Sociology* 118(6): 1475–1508.
- Lefevre R. 2014.** Is the Islamic State on the Rise in North Africa? *The Journal of North African Studies* 19(5): 852–856.
- Lifintseva T. P., Issaev L., Shishkina A. 2015.** Fitnah: The Afterlife of a Religious Term in Recent Political Protest. *Religions* 6(2): 527–542.
- Lynch M. 2014.** Media, Old and New. *The Arab Uprisings Explained: New Contentious Politics in the Middle East* / Ed. M. Lynch. New York, NY: Columbia University Press. Pp. 93–110.
- Majid A., Hussain M. 2016.** Kashmir: A Conflict between India and Pakistan. *South Asian Studies* 31(1): 149–159.
- Matthiesen T. 2012.** A “Saudi Spring?”: The Shi'a Protest Movement in the Eastern Province 2011–2012. *Middle East Journal* 4(66): 628–659.
- Moore E. 2012.** Was the Arab Spring a Regional Response to Globalization? – *E-International Relations* July 02. URL: <http://www.e-ir.info/2012/07/02/was-the-arab-spring-a-regional-response-to-globalisation/> (accessed 19.12.2015).
- Musthaq F. 2014.** Tumult in the Maldives. *Journal of Democracy* 25(2): 164–170.

- Nepstad S. E. 2011.** Nonviolent Resistance in the Arab Spring: The Critical Role of Military-Opposition Alliances. *Swiss Political Science Review* 17(4): 485–491.
- Nguyen P., Poling G. B., Rustici K. B. 2014.** *Thailand in Crisis. Scenarios and Policy Responses*. SCIS Report. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.
- Ortmann S. 2015.** The Umbrella Movement and Hong Kong's Protracted Democratization Process. *Asian Affairs* 46(1): 32–50.
- Pickerill J., Krinsky J. 2012.** Why does Occupy Matter? *Social Movement Studies* 11(3–4): 279–287.
- Sagarzazu I. 2014.** Venezuela 2013: Un país a dos Mitades [A Country Divided in Two Halves]. *Revista de ciencia política* 34(1): 315–328.
- Sattar M. 2012.** Maldives Coup: Mohamed Nasheed, Godfather of the Arab Spring, Falls from Grace. *GlobalPost* February 15. URL: <https://www.pri.org/stories/2012-02-15/maldives-coup-mohamed-nasheed-godfather-arab-spring-falls-grace>.
- Schierup C.-U., Ålund A., Kings L. 2014.** Reading the Stockholm Riots – a Moment for Social Justice? *Race & Class Journal* 55(3): 1–21.
- Sejfića I., Fink-Hafner D. 2016.** Citizens' Protest Innovations in a Conso-ciational System: the Case of Bosnia-Herzegovina. *Teorija in Praksa* 53(1): 184–202.
- The Guardian. 2013.** Sudan Protesters Call for President Omar al-Bashir to Step Down. *The Guardian* 30 September. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/sep/30/sudan-protesters-president-omar-al-bashir>.
- Toska S. 2015.** Protest Mobilization in the Age of Twitter. *The Arab Uprisings. Catalysts, Dynamics, and Trajectories* / Eds. F. al-Sumait, N. Lenze, M. Hudson. Plymouth, UK: Rowman & Littlefield. Pp. 135–154.
- Weyland K. 2012.** The Arab Spring: Why the Surprising Similarities with the Revolutionary Wave of 1848? *Perspectives on Politics* 10(4): 917–934.
- Weiss M., Hassan H. 2016.** *ISIS: Inside the Army of Terror*. 2nd ed. New York, NY: Regan Arts.
- Weyns Y., Hoex L., Hilgert F., Spitta S. 2014.** *Mapping Conflict Motives: the Central African Republic*. Belgium: IPIS Research Institute. URL: <http://ipisresearch.be/wp-content/uploads/2014/11/IPIS-CAR-Conflict-Mapping-November-2014.pdf>.
- Wilson A. 2013.** On the Margins of the Arab Spring. *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice* 57(2): 81–98.

- Wilson K. 2017.** *User's Manual. Cross-National Time-Series Data Archive.* Jerusalem: Databanks International.
- Wolf A. 2013.** An Islamist “Renaissance”? Religion and Politics in Post-revolutionary Tunisia. *The Journal of North African Studies* 18(4): 560–573.
- Yasir S. 2017.** Kashmir Unrest: What was the Real Death Toll in the State in 2016. *Firstpost* January 02. URL: <http://www.firstpost.com/india/kashmir-unrest-what-was-the-real-death-toll-in-the-state-in-2016-3183290.html>.
- Zohar E. 2015.** The Arming of Non-State Actors in the Gaza Strip and Sinai Peninsula. *Australian Journal of International Affairs* 69(4): 438–461.